

ДУХЪ
ЛОРДА ЧЕСТЕРФИЛЬДА,

ИЛИ

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
ИЗЪ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ ЕГО
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ КЪ СЫНУ
СВОЕМУ.

Съ Англинскаго перевелъ

И Л

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

печатано при Императорской Академіи Наукъ.

1 8 1 5.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Октября дня 1814 года.

Цензоръ, Ст. Сов. и Кав. Ис. Тилковскій.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Между высокими особами протекшихъ временъ большее вниманіе на себя обращаютъ рѣдкія качества Графа Честерфильда, именитаго по остротѣ и благоразумію своему Британскаго Вельможи, отличившагося равномерно въ свѣтскомъ обхожденіи, въ Государственныхъ дѣлахъ и наукахъ. Сей знаменитый мужъ со здравымъ разсужденіемъ соединялъ совершенное познаніе рода теловѣческаго; былъ превосходный теловѣкъ и пріятный собесѣдникъ. Исполненъ будучи столь рѣдкихъ дарованій и любезныхъ свойствъ, по всей справедливости могъ онъ быть совершеннымъ наставникомъ благо-

роднаго юношества и къ воспитанію онаго проложитъ новой путь: но полезной сей обязанности безъ сомнѣнія не принялъ бы онъ на себя, если бы къ счастью послѣдующихъ временъ не имѣлъ сына, котораго съ отеческою горячностью любилъ и когото воспитаніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было главнѣйшимъ его упражненіемъ.

Слѣдующіе листы содержатъ избраннѣйшія мысли изъ наставленій его, содержащихся въ письмахъ къ сыну своему, коего на мѣренъ онъ былъ образовать отличнымъ теломъ, какииъ самъ былъ. Въ сей книжкѣ найдетъ читатель превосходнѣйшія его мнѣнія о различныхъ предметахъ, разумныя при мѣтанія о теловѣкѣ и нравахъ, полезныя наставленія служащія къ приобрѣтенію добродѣтели, вкуса и

вѣжливости. Хотя начальныя статьи сего сочиненія покажутся съ перваго взгляда маловажными потому, что въ нихъ говорится болѣе о наружномъ усовершенствованіи теловѣка: однако въ отношеніи къ послѣдующимъ могутъ погесться необходимыми. Ибо сколь бы внутреннія качества ни были изыщны: но не будучи облечены пріятною наружностію, терпятъ много своей цѣны. А какъ въ теловѣкѣ не столь скоро прозябаютъ умственныя способности какъ тѣлесныя, то образуя въ юношахъ послѣднія, пролагаемо путь къ разверзтію первыхъ. По такъвымъ причинамъ умоваю, что книжка сія можетъ быть полезнаю какъ юношеству, такъ родителямъ и воспитателямъ служить руководствомъ въ общеполезной ихъ обязанности.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
О вниманіи	1
О отсутствіи духа - - - - -	5
О неприспѣлости различныхъ родовъ	8
О заступчивости " - - - - -	12
О бесѣдахъ - . - - - -	16
Правила обращенія - - - - -	22
О бережливости - - - - -	40
О дружествѣ - - - - -	42
О вѣжливости - - - - -	46
О пріятностяхъ - - - - -	53
Познаніе свѣта - - - - -	72
О лжи - - - - -	99
О сановитости - - - - -	103
Кротость въ поступкахъ соединять должно съ твердостью духа - -	107
О нравственныхъ качествахъ - -	114
Просныя примѣчанія - - - - -	117
Краснорѣчіе - - - - -	121
Педантизмъ - - - - -	125
О увеселеніяхъ - - - - -	130
О предрасужденіяхъ - - - - -	134
О вѣрѣ - - - - -	137
О употребленіи времени - - - - -	138
О щеславіи - - - - -	148
О добродѣтели - - - - -	150

*Имена особъ подписавшихся на книгу
подъ заглавіемъ: Духъ Лорда Честер-
фильда. Переводъ съ Англинскаго.*

Его Высокопреосвященство Михаилъ Архіепископъ Черниговскій.

Его Высокопреп. Павелъ Васильевичъ Крилицкій.

Его Сіяшельс. Графъ Илья Андреевичъ Безбородко.

— Князь Семенъ Ивановичъ Салаговъ.

— Графъ Левъ Станиславовичъ Ворцель.

Ея Сіяшельство Княгиня Клеопатра Ильинишна
Лобанова-Росповская.

Его Превосход. Василий Алексѣевичъ Зайцовъ.

— Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ.

— Карлъ Ивановичъ Габлицъ.

— Илья Яковлевичъ Аршеневскій.

— Осипъ Степановичъ Шерпинскій.

— Николай Николаевичъ Леонпьевъ.

— Алексѣй Алексѣевичъ Зайцовъ.

— Гавриилъ Герасимовичъ Полишковскій.

— Дмитрій Степановичъ Борпінянскоі.

— Дмитрій Семеновичъ Серебряковъ.

— Николай Дмитріевичъ Жулковскій.

— Семенъ Ѳедоровичъ Пановъ.

— Даниилъ Аванасьевичъ Масальскоі.

Его Превосход. Семенъ Семеновичъ Филатовъ.

— Осипъ Павловичъ Коржевскій.

— Евграфъ Ильичъ Мечниковъ.

Его Высокородіе Сергій Васильевичъ Шкуринъ.

— Иванъ Осиповичъ Тимковской.

— Иванъ Васильевичъ Мироновичъ.

— Кондратій Матвѣевичъ Кудрявцовъ.

— Антонъ Ивановичъ Миллеръ.

— Владиміръ Ивановичъ Вейдемейеръ.

— Матвѣй Ивановичъ Логиновъ.

— Ѳедоръ Григорьевичъ Масальской.

— Александръ Михайловичъ Вильбрехтъ.

— Василій Михайловичъ Севергинъ.

— Николай Степановичъ Ильинской.

— Яковъ Дмитріевичъ Захаровъ.

— Петръ Петровичъ Львовъ.

— Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

— Петръ Павловичъ Званцовъ.

— Иванъ Яковлевичъ Ушаковъ.

— Дмитрій Прокофьевичъ Познякъ.

— Гавріилъ Семеновичъ Покровскій.

Его Высокоб. Николай Андреевичъ Всеволожскій.

— Николай Александровичъ Чириковъ.

— Яковъ Андреевичъ Албрехтъ.

— Иванъ Кондратьевичъ Фишеръ.

— Никандръ Самойловичъ Рубцовъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ Крузенштеръ.

Его Высокоблагор. Осипъ Осиповичъ Товбичъ.

- **Федоръ Ивановичъ Миллеръ.**
- **Романъ Ивановичъ Габлицъ.**
- **Захаръ Петровичъ Яковлевъ.**
- **Афанасій Петровичъ Гроздовъ.**
- **Карлъ Карловичъ Ларсонъ.**
- **Петръ Ивановичъ Юдинъ.**
- **Александръ Яковлевичъ Треборнъ.**
- **Петръ Петровичъ Теслевъ.**
- **Александръ Федоровичъ Севастьяновъ.**
- **Петръ Андреевичъ Загорской.**
- **Иванъ Афанасьевичъ Милашевичъ.**
- **Тимоей Андреевичъ Смѣловскій.**
- **Василій Петровичъ Пядышевъ.**
- **Григорій Васильевичъ Григорьевъ.**
- **Петръ Тимофеевичъ Канельскій.**
- **Елисей Ивановичъ Кошкинъ.**
- **Николай Романовичъ Полипковскій.**
- **Григорій Александровичъ Щербининъ.**
- **Федоръ Даниловичъ Масальской.**
- **Филиппъ Петровичъ Сенковской.**
- **Николай Михайловичъ Чекменевъ.**
- **Максимъ Федоровичъ Носковъ.**
- **Семень Андреевичъ Венеціановъ.**
- **Евграфъ Васильевичъ Колмовской.**
- **Василій Андреевичъ Рябининъ.**
- **Абрамъ Израилевичъ Перетцъ.**

Его Высокоб. Василій Ивановичъ Солодовниковъ.

- Михаилъ Васильевичъ Мясоѣдовъ.
- Даниилъ Ивановичъ Шлунъ.
- Иванъ Петровичъ Енгель.
- Андрей Петровичъ Хриспенковъ.
- Павелъ Петровъ Янжунъ-Михайловскій.
- Иванъ Ивановичъ Колпаковъ.
- Иванъ Лукичъ Лукинъ.
- Алексѣй Ивановичъ Дмипріевъ.
- Андрей Андреевичъ Баташовъ.
- Василій Никифоровичъ Гешшунъ.
- Александръ Ивановичъ Мицкевичъ.
- Николай Николаевичъ Аладовъ.
- Григорій Гавриловичъ Русановъ.
- Александръ Васильевичъ Гронской.
- Павелъ Петровичъ Волковъ.

Его Высокопреп. Сергій Никифоровичъ Ливентовъ.

- Иванъ Семеновичъ Данковъ.
- Семенъ Петровичъ Ласкинъ.

Его Преподобіе Пепръ Николаевичъ Мысловскій.

- Сергѣй Петровичъ Томилинь.

Ея Высокоблагородіе Анна Петровна Пепрулева.

- Ольга Ивановна Фишеръ.
- Александра Осиповна Ббляева.
- Катерина Николаевна Муффель.

Ея Благородіе Анна Ефимовна Фундуклей.

- Марья Ефимовна Щукина.

Ея Благородіе Ольга Ивановна Фундуклей.

— Анна Семеновна Ласкина.

С. Петербургскіе купцы: Иванъ Пепровичъ
Мичуринъ и Карлъ Ивановичъ Саломе.

Осташков. купецъ Иванъ Кондрапъевичъ Савинъ.

Вязников. купецъ Иванъ Васильевичъ Водовозовъ.

Его Благородіе Иванъ Михайловичъ Клеменшевъ.

— Яковъ Елифановичъ Редриковъ.

— Иванъ Панфиловичъ Поповъ.

— Констаншинъ Филип. Констаншиновъ.

— Алексѣй Яковлевичъ Эвенховъ.

— Иванъ Сергѣевичъ Ливошовъ.

— Иванъ Михайловичъ Бакунинъ.

— Андрей Машвѣевичъ Усольцовъ.

— Михаилъ Филиповичъ Федотшевъ.

— Яковъ Даниловичъ Гопманъ.

— Андрей Ивановичъ Труповскій.

— Семенъ Дмипріевичъ Глббовъ.

— Ѳедоръ Пепровичъ Пепровъ.

— Николай Пепровичъ Кавадеровъ.

— Иванъ Ивановичъ Фундуклей.

— Алексѣй Филиповичъ Фіалковскій.

— Павелъ Васильевичъ Поярковъ.

— Михаилъ Осиповичъ Деодапъ.

— Випалій Борисовичъ Северцовъ.

— Егоръ Гавриловичъ Чиляевъ.

— Пепръ Ивановичъ Бѣловъ.

Его Благородіе Маковскій.

— Урусовъ.

— Смирновъ.

— Прудченко.

— Самуиль Никандровичъ Рубцовъ.

О ВНИМАНИИ.

Человѣкъ не можетъ быть ни способнымъ къ дѣлу, ни пріятнымъ, если не можетъ или не стараетсяъ усредлять своего вниманія на настоящій предметъ, и нѣкоторымъ образомъ не изгоняетъ изъ мыслей своихъ на то время всѣхъ другихъ. Еслибы такой человѣкъ находясь на вечеринкѣ, на ужинѣ, или при какихъ либо другихъ увеселеніяхъ занимался въ мысляхъ своихъ рѣшеніемъ какой нибудь Эвклидовой задачи, то могъ бы почесться худымъ гостемъ, и чудное бы представлялъ лице въ бесѣдѣ; или если бы въ кабинетѣ своемъ уча какую ни будь проблему, занимался такъже минуешомъ, думаю весьма бы слабымъ былъ математикомъ.

Въ печеніи цѣлаго дня довольно найдется времени для каждаго дѣла, если каждую вещь порознь исправлять будемъ; но не найдется довольно времени и въ цѣлой годѣ, если вдругъ двумя вещами занимаешься будемъ.

Сіе постоянное и ничемъ инымъ не прерываемое вниманіе къ одному предмету, есть надежный знакъ превосходнѣйшаго ума, такъ какъ суевливістьъ и смущеніе суть необманчивые признаки слабаго и легкомысленнаго ума.

По истиннѣ ни чего безъ вниманія не должно чинить; неимѣніе вниманія, отъ слабости мыслей происходящее, есть явный знакъ или глупости, или сумозбродства. Не только вниманіе ко всякой вещи имѣть должно, но еще скорость вниманія, или мѣткость. На примѣръ: вступаая въ бесѣду столь скорое примѣчаніе имѣть должно, чтобы вдругъ примѣшивъ всѣхъ въ горницѣ находящихся; ихъ движенія, взоры и рѣчи: однакожь не осматривая ихъ нарочно и не показывая такого вида, будто спраешься ихъ примѣчать. Сія скорая и скрытная примѣтливость великую въ жизни приноситъ пользу и къ приобрѣ-

Вниманію ея употребити должно великое раченіе; на прошивъ того безпечность и не вниманіе на то, что около насъ происходитъ, чинитъ чловѣка подобнымъ глупому или безумцу. Глупый не имѣетъ мыслей, безумный или сумазбродный лишился ихъ; а невнимательный чловѣкъ не имѣетъ ихъ на нѣкоторое время.

Словомъ: познанія свѣта, какъ важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, никогда не можно приобрѣсти безъ великой внимательности; и я знаю многихъ старыхъ людей, кой хотя долго уже жили въ свѣтѣ, однакожъ въ разсужденіи знанія онаго, по легкомысленности своей и невнимательности могутъ почесаться дѣшьями.

Нѣкоторыя наружныя обыкновенія и образъ поступокъ, коимъ всякъ сообразуется, скрываютъ нѣсколько истинну и придають почти всякому общее наружное другъ съ другомъ подобіе. Однимъ только вниманіемъ можно проникать сквозь сію завѣсу и познавать почныя качества людей. Есть еще маловажныя вещи имѣющія отношеніе къ надмѣнности и самолюбію, врожденнымъ

человѣку, кои не обходимое вниманіе наше заслуживающѣ по тому, что служашѣ не оспоримымъ доказательствомъ почтенія и уваженія нашего къ тѣмъ особамъ, которымъ мы оныя оказываемъ. На примѣрѣ, ежели позовещѣ кого нибудь къ себѣ обѣдать или ужинать, то должно привести на память, не примѣтилъ ли ты, что званый гость особенное какое нибудь кушанье любитъ, и спараться онымъ его поподчиватьъ. Многіе люди имѣющѣ свои слабости, имѣющѣ отвращеніе, или опмѣнную охоту къ какимъ нибудь вещамъ. Если бы мы осмѣяли человѣка за то, что не любитъ держащѣ у себя въ домѣ кошекъ или неѣстѣ сыру, и по невнимательности или небрежности своей предлагали бы ему о томъ, чего онъ не любитъ; то во первыхъ почелъ бы онъ себя оскорбленнымъ, а во вторыхъ осмѣяннымъ, и помнилъ бы какъ то, такъ и другое. На противъ того спараніе наше въ доставленіи ему любимой вещи и въ удаленіи отъ него того, чего не любитъ, показываетъ по крайней мѣрѣ, что онъ есть предметомъ нашего вниманія; симъ можешъ быть еще болѣе пріязни его

снискиваемъ, нежели оказаніемъ какой нибудь важной услуги. Чемъ маловажае паковыя вещи, тѣмъ большее вниманіе наше къ челоѡкку док зываютъ и слѣдовашельно, тѣмъ болѣе снискиваемъ его къ намъ расположеніе.

Да посовѣтуетъ всякъ съ собственнымъ своимъ сердцемъ и да приведетъ себѣ на память сколь много не упущеніе бездѣльныхъ вещей оказываемое намъ другими ласкаетъ нашему самолюбію и тщеславію, коимъ каждый изъ смертныхъ подверженъ. Вообразимъ сколь много преклоняющъ и привлекающъ они насъ къ такому челоѡкку и сколь благосклонно приемлемъ мы онъ такого челоѡка его слова, или поступки. Таковыя причины равномѣрное и для насъ въ другихъ произведущъ дѣйствіе.

О ОТСУТСТВІИ ДУХА.

Отсутствіе духа, есть знакъ или слабоумія или какой нибудь спраспи помящей челоѡка: въ бесѣдѣ такой челоѡкъ совершенно непріятенъ. Онъ ни какъ не можетъ наблюдать общихъ правилъ вѣжливости; порядочнымъ обра-

зомъ не вступаешъ въ разговоръ: но приспаешъ къ нему совсѣмъ не къ спати, будто отъ сна пробудившись. Онъ принимаетъ на себя такой видъ, какъ будто важными мыслями занятъ; но по справедливости ни о чемъ не думаетъ. Съ перваго виду не узнаетъ даже и искреннѣйшихъ своихъ друзей и оповѣстываетъ имъ какъ будто бы въ величайшихъ заботахъ находился. Оставляетъ свою шляпу въ одной горницѣ, проситъ въ другой, и неопытно оставилъ бы въ прешней свои башмаки, если бы пряжки въ помѣ ему не препятствовали. Сіе есть истинной знакъ ума или совершенно слабаго, что кромѣ одного предмета въ другъ ни чемъ не можетъ заниматься; или столь глубоко-мысленнаго, что преисполненъ будучи великими и важными предмѣтами, на другія вниманія своего обратишь не можетъ. Невтонъ, Локкъ и болѣе пяти или шести особъ отъ сотворенія міра, имѣли право важными мыслями заниматься по причинѣ обширныхъ размышлений, коихъ преобладали ихъ изслѣдованія. Но на сіе ни кто иной кромѣ ихъ

не имѣетъ права, а въ другихъ совершенно сіе неперпимо.

Топъ ни мало не способенъ ни къ дѣламъ ни къ бесѣдѣ, кто не можетъ обращать вниманія своего на наспоющіе предметы, каковы бы они ни были.

Лучше бытъ въ бесѣдѣ съ мертвымъ, нежели съ безпечнымъ и невнимательнымъ человекомъ: ибо хопя мертвый ни какого не причиняетъ мнѣ удовольствія, покрайней мѣрѣ не оказываетъ презрѣнія. Напрошивъ того безпечной человекъ весьма явно невниманіемъ своимъ даетъ знать, что не удостоиваетъ меня своего уваженія. Сверхъ сего невнимательный человекъ ни какъ не можетъ примѣшпть ни нравовъ, ни обыкновеній въ бесѣдѣ бывающихъ. Хопя бы во всю свою жизнь входилъ онъ въ наилучшія общества, однако ни мало бы онъ того не учинился разумнѣе: все равно, съ глухимъ или невнимательнымъ человекомъ обращаться. По справедливоспи напрасно и обращаться съ человекомъ, о коемъ знаемъ мы, что не только насъ не слушаетъ, но даже ни о чемъ не думаетъ и ни чего не разумѣетъ.

О НЕПРИСТОЙНОСТИ.

Многіе весьма достойные и разумные люди имѣютъ нѣкоторыя чудныя приемы, худыя навыки и неблагопристойность въ поступкахъ, кои споль великое ошвращеніе къ нимъ вселяютъ, что другія изящныя ихъ дарованія или достоинства ни какъ онаго прекрашшь не могутъ.

Неблагопристойность происходитъ отъ двухъ причинъ, или отъ необращенія въ добрыхъ обществахъ, или отъ невнимательности.

Когда невѣжливый человекъ вступаетъ въ бесѣду, то часто случается, что шпага у него попалшсь промежъ ногъ или принудишь его упасшь, или по крайней мѣрѣ спонькнуться; когда оправшсь онъ отъ такого безпорядка, то шановшсь въ такомъ мѣспѣ горницы гдѣ не должно; тамъ находясь вскорѣ роняетъ свою шляпу, а поднимая ее отпускаетъ изъ рукъ свою просшь, поднимая же просшь, не ошмѣнно опяшь уронитъ свою шляпу; такъ что четверть часа пройдетъ, пока онъ совершенно оправшсь. Когда пьетъ чай или кофе,

то безъ сомнѣнія мараешъ свою губу, роняешъ или чашку или блюдо и обливаешъ чаемъ или кофемъ у себя платье. За столомъ шѣмъ болѣе являетъ онъ знаковъ своей нераспорочности, чемъ болѣе дѣлать чего нибудь ему достаешся; онъ держитъ ножикъ, вилку и ложку совершенно инымъ образомъ нежели другіе; беретъ кушанье ножикомъ, съ великою себѣ опасностію, чиститъ въ зубахъ вилкою и пою же ложкою, копорою самъ ѣстъ, накладываетъ изъ блюдъ кушанье. Если же придется ему что разнимать, то никогда не можетъ опасенъ на суславъ, усиливаетъ напрасно перерѣзая кость и брызжетъ подливкою въ лицо гостямъ. Каплетъ на себя похлебкою и жиромъ, хопя по примѣру другихъ салфетку продѣваетъ сквозь кафшанную петлю или за галспукъ закладываетъ. Когда пьетъ, то кашляетъ въ стаканъ и брызгаетъ на всѣхъ сидящихъ въ бесѣдѣ. Сверхъ всего того имѣетъ онъ чудныя поступки; нюхаетъ табакъ, дѣлаетъ разные непристойныя приемы, такъ что всю бесѣду шѣмъ въ великую скуку приводитъ. Руки причиняющъ ему великое безпокойство, если въ нихъ ни

чего нѣтъ, и не знаетъ ихъ куда дѣвать; но безпрестанно по за пазуху кладетъ, по въ карманы. Одѣяніе имѣетъ онъ не по обыкновенному, словомъ все дѣлаетъ не такъ какъ другіе. Все сіе хотя не есть какая либо вина, или преступленіе: но непріятно и смѣшно и всѣ тѣ кои хотятъ нравиться въ бесѣдѣ, должны избѣгать сего рачительно.

Изъ сего изображенія вѣхъ неблагоприспосойносшей удобно вывести можно то, что благоприспосойносшь чинитъ повѣдѣваетъ; сверхъ сего соображаясь съ должнымъ вниманіемъ обыкновеніямъ порядочныхъ людей и такихъ кои видѣли свѣтъ, можетъ и совсѣмъ не обращавшійся человекъ къ тому привыкнуть.

Равнымъ образомъ тщательнѣе избѣгать должно непристойносшей въ изображеніяхъ и въ рѣчахъ; какъ по противныхъ природному языку рѣченій, старинныхъ словъ и просонародныхъ приговорокъ, кои доказываютъ обращеніе съ худыми и низкими людьми. Такъ на примѣръ, вмѣсто того чтобы сказать, что вкусы у людей различны и

каждой имѣешь свой, еслибы кто сказалъ простою пословицею, всякъ молодецъ на свой образецъ или д. п. п. изъ сихъ словъ всякъ о такомъ человѣкѣ будешь увѣренъ, что онъ никогда не бывалъ въ добрыхъ обществахъ и ни съ кѣмъ не обращался кромѣ слугъ и служанокъ. — Съ великимъ стараніемъ избѣгать такъже должно несвязности въ мысляхъ; на примѣръ: позабышіе именъ, ошибка въ произношеніи ихъ, говорить: Господинъ такой то, какъ бишь его зовутъ, Госпожа какъ бишь ее, почитается за весьма нелѣпое и непристойное. Называть другихъ не собственными именами и прозваніями какъ то: вмѣсто Государь мой, говорить господинъ, вмѣсто Ваше Высокоблагородіе, Ваше Высокородіе и Высокопревосходительство. Начинать какое нибудь повѣствованіе не помня его совершенно и на срединѣ быть принуждену прервать его извиненіемъ, что позабылъ прочее, есть дѣло весьма непріятное и грубое. Во всемъ что ни говоришь должно быть чрезвычайно почну, ясну и порядочну; иначе же вмѣсто увѣдомленія и

забавы другихъ, раздражишь ихъ и на-
скучишь.

О ЗАСТѢНЧИВОСТИ.

Застѣнчивостьъ есть такъже порокъ свойственный молодымъ людямъ, кои кажутся испужавшимися, если кто нибудь изъ высокихъ особъ съ ними говорить начнетъ, краснѣютъ, запинаясь; такъ что иногда и нужнаго отвѣща дать не могутъ. Симъ образомъ не основательно опасаясь, чтобъ ихъ не осмѣяли, спановиаясь подлинно смѣшными.

Весьма великая есть разность между скромностію и непристойною застѣнчивостію, которая пѣмъ бываетъ смѣшнѣе, чемъ скромность похвальнѣе: однакожъ быть проспакомъ столь же не похвально, какъ и быть безстыднымъ; и безъ сумнѣнія навлечемъ себѣ презрѣніе, если вступя въ бесѣду не можемъ говорить съ людьми, не измѣняясь въ лицѣ, или не пришедъ въ смущеніе. Недовѣрчивый, боязливый и застѣнчивый человекъ, какія бы достоинства въ себѣ ни имѣлъ, не можетъ хорошо обходиться въ свѣтѣ; его малодушіе всег-

да приводитъ его въ бездѣйствіе, а хитрый, безстыдный и нахальный человекъ во всякомъ случаѣ его превыситъ. — Все различіе состоитъ въ одномъ обыкновеніи. Что почитается безстыдствомъ въ поступкахъ у одного, то у другаго пріемлется за настоящее и благоприспоечное увѣреніе. Человекъ разумный и знающій свѣтъ, съ такимъ же постоянствомъ и твердостью защищаетъ свои права и домогается своихъ предметовъ, какъ и самый нахаль, а можетъ быть еще и болѣе онаго; но съ тою только разностию, что всѣмъ своимъ поступкамъ, придаетъ видъ скромности. — Сіе большую имѣетъ силу и гораздо привлекательнѣе; на противъ того тѣ же самыя дѣла худой возвѣщаютъ успѣхъ, если въ исполненіи ихъ употреблена будетъ чрезмѣрная пылкость и безстыдство.

Вообще молодые люди стыдятся ходить въ бесѣды. Если мы не хотимъ въ оныхъ казаться ошѣ другихъ ошмѣнными, то чего намъ стыдиться? За чемъ же не ийти въ большую бесѣду съ такою же вольностию и простотою, какъ въ собственную свою горницу? По-

рокъ и невѣжество суть единыя только вещи, которыхъ намъ стыдиться должно: но естли мы онымъ не причастны, то можемъ ходить всюду безъ боязни и замѣшательства. Ни что споль не побуждаетъ молодаго человека вступать въ худыя сообщества, какъ застѣнчивость. Въ самомъ дѣлѣ не можемъ онъ ни какъ понравиться, если самъ въ себѣ увѣренъ, что онъ другимъ непріятенъ.

Нѣкоторые ощущая стыгость и неудобства застѣнчивости, предаются другимъ излишесствамъ и спановаясь нахальными, по примѣру воровъ, кои опъ чрезвычайной опасности спановаясь опчаянными: но и сего рачительно убѣгать должно, ибо нѣтъ ни чего поноснѣе какъ нахальство. Средина между сими двумя крайностями, означаетъ благовоспитаннаго человека, которой во всякой бесѣдѣ швердъ и свободенъ, скромненъ безъ застѣнчивости и смѣлъ безъ нахальства.

Худого воспитанія человекъ всегда стыдится и смущается, когда вступаетъ въ бесѣду, приходитъ въ разспройку когда кто съ нимъ поговоритъ,

опвѣчаетъ съ прудностію и не знаетъ куда дѣвать своихъ рукъ: но человекъ знающій свѣтъ входитъ въ бесѣду съ пріятною и благоприспойною сановитостію, вольно и безъ всякаго смущенія. Высокія званія его не ослѣпляютъ; онъ безъ всякой распройки опдаетъ должное имъ почтеніе, и съ равномерною свободою духа говоритъ можетъ съ Государемъ, какъ и съ подданнымъ его. Таковая польза происходитъ отъ того если человекъ съ молодыхъ лѣтъ входитъ въ добрыя бесѣды и обращается съ вышшими себя. Благовоспитанный человекъ обращается съ низшими себя безъ малѣйшей надмѣнности, а съ вышшими со всякимъ почтеніемъ и не принужденно. Къ сему присовокупить можно, что человекъ хотя не опмѣнныхъ дарованій, но благороднаго поведенія гораздо лучше пріемлемъ бываетъ въ обществѣ, нежели человекъ съ высокими достоинствами: но незнающій свѣтскаго обращенія. Скромность соединять должно съ учтивою и непринужденною сановитостію.

О БЕСѢДАХЪ.

Имѣшь, входъ въ добрыя общества, а наипаче при первомъ вступленіи въ свѣтъ, есть надежнѣйшій способъ къ полученію добрыхъ впечатлѣній. Подъ словомъ добрыхъ обществъ и бесѣдъ не должно разумѣть такія сборища, кои сами называютъ или почипаютъ себя добрыми: но такія кои состоятъ наипаче (хотя не совершенно) изъ особъ высокаго произхожденія, чина, и достоинства; ибо люди хотя и не знатные родомъ, или чиномъ, но оплечающіеся какимъ нибудь особымъ достоинствомъ или превосходствомъ въ свободныхъ знаніяхъ или наукахъ, весьма часто и по всей справедливости имѣютъ въ оныя доступъ. Доброе общество состоитъ изъ людей различнаго званія; многіе низкой породы, безъ всякихъ чиновъ и достоинства получаютъ въ оныя входъ или собственнымъ своимъ проворствомъ, или по одобренію какой нибудь знатной особы. Въ такомъ обществѣ или бесѣдѣ неоспоримо научиться можно благопрістойнымъ поступкамъ и лучшимъ рѣчамъ: ибо такія только бесѣды по-

Болѣ всего старайся быть въ бесѣдѣ съ вышшими тебя: ибо съ такими людьми, ты столько самъ возвышаешься, сколь унижаешься чрезъ обращеніе съ пбми, кой тебя ниже. Когда я упоминаю о людяхъ вышшаго рода, то подѣсимъ не должно разумѣть ихъ значнаго произхожденія; но врожденное ихъ достоинство и цѣну, которую полагаемъ имъ свѣтъ.

Есть два рода бесѣдъ: одинъ извѣстенъ подѣ именемъ изящныхъ обществъ (le beau monde), состоятъ изъ людей имѣющихъ доступъ ко двору и ведущихъ жизнь свою въ увеселеніяхъ; другой же родъ состоитъ изъ такихъ, кой оплчаются какимъ нибудь изящнымъ достоинствомъ, и превосходятъ другихъ особеннымъ и достохвальнымъ какимъ нибудь знаніемъ, или наукою.

Какъ можно уббгай низкихъ обществъ, кои въ общемъ смыслѣ слова низки; низки въ разсужденіи чина, состоянія, нравовъ и достоинствъ. Тщеславіе, источникъ многихъ глупостейъ человеческихъ и даже некоторыхъ преступленій, побуждаетъ иныхъ vstupашъ въ такія бесѣды, кои совершенно ихъ

ниже, за тѣмъ чтобы въ нихъ быть первыми. Въ такихъ бесѣдахъ они повелители, ихъ однихъ похваляютъ, имъ удивляются: но на послѣдокъ разстроиваютъ они отъ того образъ своего поведенія и становятся неспособными для лучшихъ бесѣдъ.

Такимъ образомъ показавъ, какихъ бесѣдъ должно избѣгать и въ какія входить, предложу здѣсь :

**ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ,
КОИ ДОЛЖНО НАБЛЮ-
ДАТЬ СООБРАЗУЯСЬ
ОБЫКНОВЕНІЯМЪ БЕ-
СѢДЫ.**

Когда молодой человекъ еще въ свѣтѣ не обращавшійся въ первый разъ вступаешь въ бесѣду, то намѣревается сообразоваться ей и подражать: но часто ошибается въ предметахъ своего подражанія. Часто слышитъ онъ нелѣпое опредѣленіе нѣжныхъ и модныхъ пороковъ, и такъ въ бесѣдѣ примѣчаетъ онъ людей отъ прочихъ чѣмъ нибудь отличавшихся и вообще удивленіе и почтеніе заслуживающихъ, и видя что они

лагаютъ почную цѣну тѣмъ вещамъ, кои называются нарѣчіемъ и обыкновениемъ добрыхъ обществъ (von ton); ибо ни въ какомъ другомъ мѣстѣ оныхъ нельзя приобрести.

Общество людей высокаго состоянія, не можетъ почестъся добрымъ обществомъ, въ означенномъ смыслѣ сего слова, если не будетъ состоять изъ людей добраго поведенія и съ довѣренностію: ибо и знатнѣйшаго состоянія люди, бывающъ столь же глупы, столь невѣжливы и столь же не годны, какъ и люди самаго низкаго состоянія. Равномѣрно и общество изъ людей весьма низкаго званія состоящее, какія бы личныя ихъ достоинства или дарованія ни были, не можетъ назваться добрымъ, и по сему, въ такія общества не часто вступать, хотя и не совсѣмъ ихъ презиратьъ должно.

Бесѣда состоящая совершенно изъ ученыхъ людей, хотя всякаго почтенія достойна, не можетъ однакоже называться въ нашемъ смыслѣ доброю: ибо ученые люди не могутъ имѣть не принужденныхъ и вѣжливыхъ поступковъ свѣтскихъ, потому что они въ большомъ

свѣтъ не обращаются. Если можно и въ такой бесѣдѣ съ пользою участвовать, то не худо входить въ оную временно; да и въ другихъ бесѣдахъ будишь насъ болѣе почитать потому, что мы съ учеными обращаемся.

Бесѣда состоящая изъ извѣстныхъ по остроумію своему людей и стихотворцевъ, весьма похвальна для молодыхъ людей, которые въ ней могутъ тогда только находить удовольствіе, если сами остроумны; но если онаго въ нихъ недостаетъ, то вступать въ такия бесѣды, есть только глупое честолюбіе. Однакожъ таковыя бесѣды учащая должно умѣренно, и съ разсудительностію. Остроумный человекъ или остроецъ (*bel esprit*) есть названіе весьма непріятное, наводящее нѣкоторое опасеніе. Въ бесѣдѣ столь же люди опасаются вольнодумца, какъ женщины ружья, думая что оно само собою можетъ разрядиться и ихъ поранить. Однакоже бесѣды ихъ достойны посѣщенія; но не и ключительно предъ прочими и не въ столь чрезвычайномъ степени, чтобъ и самого почитали приверженнымъ къ таковому обществу.

желѣи начнешь извѣснять свои мысли.

Въ бесѣдахъ бываетъ менѣе правомыслящихъ людей, нежели худорасположенныхъ, и болѣе такихъ, кои хотя заслуживаютъ сужденіе другихъ: но не щерпятъ онаго надъ собою. И такъ если начнешь хвалишь какую нибудь добродѣтель, коея нѣкоторые изъ бесѣды лишены, или хулишь порокъ, коимъ другіе примѣрнымъ образомъ заражены, по такія свои сужденія, хотя вообще и безприспращно сказанныя, будутъ приняты на счетъ оныхъ людей и почтутся за личность. Сіе сужденіе предостерегаешь тебя должно, чѣтобы ты самъ не былъ подозрѣвающимъ и привязчивымъ, и не бралъ бы на свой счетъ чужихъ рѣчей, поному только, что онѣ нѣкоторымъ образомъ могутъ къ тебѣ клониться.

Повѣсни рассказывай весьма рѣдко и тогда только когда можно ихъ употребить къ спасенію да и по крайнѣйшимъ образомъ. Умалчиай о такихъ обстоятельствахъ, кои до того дѣла не касаются, и избѣгай отступленій. Притомъ же избѣгаешь чаше къ расце-

замѣ, есть знакъ, что имѣешь не достатокъ въ воображеніи.

Ни когда не хватай другихъ за пуговицу или за руку, съ тѣмъ чтобъ заставлятъ ихъ себя слушать: ибо если другой не желаетъ тебя слушать, то лучше тебѣ удержатъ свой языкъ, нежели его самаго.

Долгіе разскачки почитаются въ бесѣдѣ за скучныхъ людей; шепташь же на ухо или въ полголоса сказать нѣсколько словъ, почитается также за непристойность. Сіе есть знакъ невѣжливости и нѣкоторымъ образомъ пронырства. Но если въ бесѣдѣ какойнибудь изъ сихъ немилосердыхъ разскачковъ поймаетъ тебя спанетъ чтонибудь повѣстовать, то слушай его съ терпѣніемъ, (по крайней мѣрѣ съ наружнымъ вниманіемъ) если считаешь за достойное его тѣмъ одолжить: ибо ничемъ столько такого человека не одолжишь какъ терпѣливымъ слушаніемъ, и ничемъ столько много не оскорбишь, какъ или прервавъ рѣчь его въ срединѣ, или печальнымъ видомъ являя свое неперпѣніе.

Нѣтъ ничего обиднѣе и не прости-

люди распущные, предашіеся пльнству и моповспву, перенимаешъ ихъ пороки, приемя ихъ недостапки за совершенства и думая, что всею знашносію и опличіемъ своимъ одолжены они пбмъ порокамъ. Но совсбмъ тому противное бываетъ; ибо оныя люди приобрблн себб доброе имя дарованіями своими, ученосію, вбжливосію и другими истинными совершенствами, а за сіи общія и модныя слабосп, опъ всбхъ разсудительныхъ людей хулу и униженіе себб навлекаютъ. И такъ очевидно, что между такимъ множествомъ людей различныхъ нравовъ, добрыя наши качества, побуждаютъ другихъ, только прощать, а не одобрять вб насъ худыя.

Если человекъ къ нещасію своему зараженъ уже какими нибудь пороками, то пусть по крайней мбрб доволенъ будетъ собственными своими, а не старается перенимать ихъ опъ другихъ. Перенятые пороки несравненно болбе погубили молодыхъ людей, нежели врожденные ихъ склонности.

И такъ станемъ подражать истиннымъ совершенствамъ добрыхъ обществъ, вб копорыя мы вступать на-

цѣрены, будемъ подражать ихъ учтивости, поступкамъ, приемамъ, свободному и вѣжливому обращенію; но при томъ да напоминаемъ, что сколь бы кто опъ другихъ ни опличался, однакожъ пороки, коимъ онъ подверженъ, суть его жила, и онымъ мы опнюдь подражать не должны: ибо они будутъ для насъ то же, что и бородавки на лицѣ произведенныя искусствомъ, изъ глупаго подражанія шазимъ пригожимъ людямъ, кои съ оными уже родились. На противъ того должно помышлять, что гораздо лучше такому человеку ихъ совсѣмъ не имѣть.

Предложивъ наставленія, посредствомъ коихъ можно надѣяться приема въ добромъ обществѣ, приступлю я къ предписанію правилъ обращенія.

ПРАВИЛА ОБРАЩЕНІЯ.

Находясь въ бесѣдѣ, говори часто но недолго; ибо хотя симъ и не можешь нравишься, по крайней мѣрѣ не наскучишь своимъ слушателямъ.

Старайся узнать о качествахъ и расположеніи гостей, прежде не-

найдется не споль свѣдущимъ какъ казался, по заслуживъ осмѣяніе и презрѣніе; въ другомъ же случаѣ почтупъ его за Педанша. Ни что споль не унижаетъ истиннаго достоинства во мнѣніи свѣта, какъ самохвальное показаніе онаго.

Когда возражаешь или прошивурьчишь утверженію, или мнѣнію чьему нибудь, старайся въ поступкахъ, въ видѣ, въ словахъ и въ самомъ голосѣ сохранить мягкость и вѣжливость, свободу и природную, а не прищворную. Доказательство или споръ старайся окончатъ какою нибудь забавною шуточкою, дабы чрезъ те показать, что не только ты не оскорбился шѣмъ; но и не хотѣлъ оскорбить своего противника: ибо если на время пресѣчешь споръ, то произойдетъ нѣкоторая перемѣна во мнѣніяхъ обѣихъ сторонѣ.

Въ бесѣдахъ, въ коихъ находятся люди различныхъ свойствъ, старайся какъ можно избѣгатъ такихъ разговоровъ, въ которыхъ прибѣгатъ должно къ доказательствамъ, справкамъ и къ воспязаніямъ, кои по справедливости производятъ на нѣкоторое время разстройку въ спорящихъ особахъ; а если

спорющіеся начнутъ приходитъ въ жаръ и шумѣть, то спарайся окончить оной какою нибудь учтивою и искусною шуткою.

Ни когда не должно утверждать чего нибудь съ жаромъ и крикомъ, хотя ты увѣренъ что справедливость на твоей сторонѣ; но должно мнѣніе свое предлагать скромно и съ равнодушіемъ. Если же того нельзя учинить, то пощися переменить разговоръ такими словами: „намъ неможно другъ друга „убѣдишь, да и нѣтъ въ томъ нужды, „то лучше обратимъ рѣчь нашу на иное „что нибудь.

Надежишь памятовать о наблюденіи мѣстной свойственности во всѣхъ бесѣдахъ; ибо что свойственно для одной бесѣды, то часто почитается весьма несвойственнымъ для другой.

Шутки, острия слова и побасенки, кои въ одной бесѣдѣ почтутся хорошиими, покажутся въ другой непріятными и скучными. Особливья качества, навѣкъ и обыкновенія бесѣды, могутъ придать слову или какому либо дѣйствию важность; но то же самое не будетъ уже имѣть равномерной важности, если

пельнѣ, какъ невниманіе рѣчамъ говорящихъ съ тобою людей. Я видалъ многихъ, коя въ то время когда съ ними говоришь, вмѣсто того чтобъ на тебя смотрѣть и со вниманіемъ слушать, устремляютъ свои глаза, либо на потолокъ, либо въ сторону, смотрятъ изъ окна, играютъ съ сабакою, или скрипятъ табакеркою. Сіе естъ знакъ слабаго и вѣпренаго ума, и таковая невѣжливосць чрезвычайно оскорбительна; симъ даешь съ твоей спорны рѣшительное мнѣніе, что каждой и самой бездѣльной предмѣтъ заслуживаетъ свое вниманіе болѣе, нежели все то, что говорящій съ тобою человекъ можетъ сказать. Помысли о чувствованіи огорченія, которое таковой поступокъ долженъ возродить во всякой душѣ имѣющей нѣкоторой родъ самолюбія. Человекъ какого бы чина и состоянія ни былъ, всегда имѣетъ нѣкоторой родъ тщеславія и самолюбія; даже и слуга твой лучше снесетъ отъ тебя побои, нежели явной знакъ твоего невниманія и презрѣнія. И такъ не только съ истиннымъ вниманіемъ слушай что тебѣ говорятъ, но и наружно оно ему являй.

Высочайшимъ степенемъ научивша-
ства считаешься прерываешь посторон-
нюю рѣчь или свою рѣчью, или обра-
тивъ вниманіе всея бесѣды на какой ни-
будь другой предметъ. Гораздо лучше
прислаивать къ чужему разговору, не-
жели самому подавать предметъ къ оно-
му въ бесѣдѣ, въ которой находишься.
Если ты въ чемъ свѣдуешь, то знаніе
свое при чужемъ разговорѣ можешь по-
казать болѣе или менѣе, смотря по
предмету; если же того ты не имѣ-
ешь, то гораздо тебѣ удобнѣе будетъ
прислаивать къ такому разговору, кото-
рой начатъ другими.

Знаній своихъ ни когда нарочно не
показывай кромѣ особенныхъ случаевъ.
Оставляй сіе для ученыхъ людей и дѣ-
лай такъ, чтобъ люди оныхъ ошъ те-
бя допытывались, а не старайся самъ
ихъ показывать. По сему б дущъ себя
считай скромнымъ, и о знаніяхъ тво-
ихъ большія вприщъ мысли. Ни когда
не старайся показывать, что ты умнѣе
или ученѣе обществу, въ коемъ нахо-
дишься. Человѣкъ старающійся о пока-
заніи своей учености подаетъ шѣмъ слу-
чамъ другимъ себя спрашивать, если же

„способны жить въ свѣтѣ, а яче бытъ
 „счастливыми; однакожъ они уже те-
 „перь столь устарѣли, что не могутъ
 „принять прошивныхъ тому посту-
 „покъ, и для того должны ставъ жизнь
 „свою гести, какъ могутъ.

Хотя сіе покажется весьма смѣ-
 шнымъ и чрезвычайнымъ даже и на са-
 момъ театрѣ, однакожъ весьма часто
 случается на общемъ позорищѣ сего
 свѣта. Таковое щеславіе столь силь-
 мое имѣетъ вліяніе надъ природою че-
 ловѣческой, что и въ самыхъ низкихъ
 показывается предмѣтахъ; и мы видимъ
 людей добивающихся похвалы, въ ша-
 кихъ вещахъ, въ коихъ хотябъ всѣ ихъ
 слова справедливы были, ни какой при-
 чины къ похвалѣ не находится. Иной
 увѣряетъ, что онъ въ шесть часовъ
 пробѣгалъ по почтѣ сто верствъ; мо-
 жетъ быть, что сіе совсѣмъ не спра-
 ведливо, но положимъ что и правда;
 что же изъ того выдеетъ? то только,
 что можно почестъ его хорошимъ гон-
 цемъ, а большей похвалы онъ не досто-
 инъ. Другой можетъ быть не безъ нѣ-
 сколькихъ кляствъ увѣряетъ, что онъ
 за однимъ посѣдомъ выпилъ восемь бу-

тылокъ вина. За милость почестъ можно, если такого человека почтунъ лжецомъ; но если слова его справедливы, то по всей справедливости почестъ должно его скопомъ.

Есть тысяча такихъ дурачествъ и излишествъ, къ коимъ побуждаетъ людей тщеславіе. Единственный способъ къ избѣжанію такихъ золъ, есть то, чтобъ не говорить никогда о самомъ себѣ. Но если въ повѣспованіи приуждены иногда будемъ упомянуть о самихъ себѣ, то спарашься должны не употребить ни одного слова, относящагося прямо, или постороннимъ образомъ къ снисканію себѣ похвалы. Какковы бы качества наши ни были, однакожъ ни кщо объ нихъ не увѣритъя по собственнымъ нашимъ словамъ. Чшо бы мы о себѣ ни говорили, не можемъ однако чрезъ то загладить своихъ недостатковъ, или большаго придашь блеску совершенствамъ; на противъ того, болѣе тѣмъ окажемъ первые и потомъ послѣднія. Если умалчиваемъ о собственныхъ нашихъ достоинствахъ, то ни ненависть, ни негодованіе, ниже посмѣяніе не унижитъ и не помрачитъ

не будетъ сопровождаться сими случайными обспояпельспвами. Въ семъ случаѣ люди часто погрѣшаютъ: ибо почитая за хорошее то, что въ одной бесѣдѣ и при нѣкоторыхъ обспояпельспвахъ причинило удовольствіе, повсюрюющъ съ нѣкоторою надмѣнностію въ другой, гдѣ оно или со всѣмъ не лѣно, или будучи помѣщено не къ спати, покажется обиднымъ. Не взирая на то, дѣлаютъ они сіе съ глупымъ предудвдомленіемъ: говоря, я вамъ скажу весьма прекрасное дѣло, или я вамъ скажу прекрасную въ свѣтѣ исторію. Симъ возбуждается великое ожиданіе, которое когда обмануто будетъ, заставляетъ по всей справедливости думать о семъ повѣспвоващелѣ, что онъ глупъ.

При всякомъ случаѣ спарайся не говоритъ о самомъ себѣ, если то возможно. Нѣкоторые сами зачинаютъ говоритъ о себѣ съ похвалою безъ всякой посторонней къ тому причины; это знакъ великаго безстыдства. Другіе же въ семъ случаѣ съ большимъ искусствомъ по ихъ мнѣнію поступаютъ, выдумывая мнимыя обвиненія на себя, будшпощъ другихъ занесенныя, и жалуется на

железу, которой ни когда не бывало; приносятъ свои на то оправданія, за тѣмъ только, чтобы имѣть случай изчислить всѣ свои многоразличныя добродѣтели. Сей тонкой покровъ скромности споль прозраченъ, что не можетъ сокрыть ихъ тщеславія даже и отъ такихъ, кои недалкимъ одарены проицаніемъ.

Другіе поступають въ себѣ съ болѣею скромностію и хипростію; признають себя споль приверженными къ главнѣйшимъ добродѣтелямъ, что даже доходятъ въ томъ до слабости, и тогда увѣряють, что отъ сихъ слабостей происходятъ ихъ несчастія. „Они говорятъ, что не могутъ смотрѣть на людей поверженныхъ въ несчастія, не сострадая съ ними и не стараясь имъ помочь. Не могутъ видѣть ближняго своего, въ несчастіи не избавя его; хоня по справедливости обстоятельства не много къ тому имъ способствуютъ. Они не могутъ удержаться, чтобы не сказать справедливости, хотя по и не всегда добрыя слѣдствія имѣетъ. Словомъ, они признаются, что со всѣми сими слабостями, не

похваля, кои мы по справедливости заслуживаемъ. Но если при всякомъ случаѣ приписываемъ себѣ похвалу, хотя подъ весьма искуснымъ закрытіемъ: однакожь всякой стараться спанетъ въ томъ намъ учинить препону, и мы чего добивались, въ томъ не будемъ имѣть успѣха.

Прилагай всякое стараніе, чтобъ не казаться скрытнымъ или пайновиднымъ; сіе не только неприятнымъ почитается качествомъ, но и самымъ подозрительнымъ. Если ты являешь себя пайновиднымъ въ разсужденіи другихъ, то они въ самомъ дѣлѣ такими будутъ въ разсужденіи тебя, и ты ни чего отъ нихъ не узнаешь. За верхъ всѣхъ наружныхъ способностей почитаю свободные, откровенные и разумные поступки; а между внутренними благоразуміе и осторожность, быть самому осторожному и даже притворною своею откровенностію доводишь другихъ до откровенности. Большая часть людей въ бесѣдѣ не пропускаютъ ни единого своего нескромнаго и неосторожнаго выраженія, если только оно

къ пользѣ своей употребитъ могутъ.

Когда ты съ кѣмъ говоришь, то всегда смотри ему въ лице; въ противномъ случаѣ почтуй, что чувствуешь какое нибудь совѣснн своей зрѣніе; сверхъ того перьяешь ту выгоду, что изъ лица ихъ не можешь примѣчать дѣйствія рѣчами твоими надъ ними производимаго. Для познанія настоящихъ чувствованій въ другомъ, я вѣрю болѣе своимъ глазамъ нежели слуху: ибо по слуху доходяшь иногда до насъ такія рѣчи, какія желаютъ другіе до насъ допустить. Но посредствомъ зрѣнія постигаемъ иногда такія вещи, о коихъ другіе не хотяшь намъ объявить.

Частной хулы, ни слушаешь, ни разносиль не должно; ибо хотя обезчещеніе другихъ и можешь на нѣкоторое время удовлетворить злости, или гордости нашего сердца: однакожъ здравой разумъ выводиль весьма непріятныя заключенія изъ такого расположенія. Въ хулѣ, такъже какъ въ кражѣ, тотъ кто принимаетъ, на равнѣ почитается съ укравшимъ.

Въ разговорахъ не крипикуй цѣ-
 лыхъ обществъ или состояній, какого
 бы онѣ рода ни были: ибо чрезъ то
 необходимо приобрѣнешь себѣ великое
 число враговъ. Между женскимъ поломъ
 есть добрыя и худыя, такъ же какъ и
 между мужчинами; а можетъ быть най-
 дется столько же или еще и болѣе доб-
 рыхъ, нежели между мужчинами. Сіе
 правило касается такъ же до приказ-
 ныхъ, военныхъ, духовныхъ, придвор-
 ныхъ людей, мѣщанъ и пр. Всѣ они
 суть человѣки, подверженные одинакимъ
 спраснямъ и чувствованіямъ, различа-
 ются только по своимъ навыкамъ отъ
 различнаго рода воспитанія происходя-
 щимъ; и такъ хулишь какое нибудь изъ
 сихъ состояній вообще, есть дѣло не
 приличное благоразумію и справедливо-
 сти. Частные люди иногда за сіе про-
 щаютъ; но цѣлыя общества никогда.

Кривлянье почитаемое общимъ и
 наиболѣе любимымъ увеселеніемъ сла-
 быхъ и низкихъ умовъ, находится въ
 крайнемъ презрѣніи у людей высокаго
 ума. Изъ всѣхъ шутокъ оно почитает-
 ся подлѣйшимъ и принужденнѣйшимъ
 дѣйствиемъ. И такъ намъ не только

онаго чинишь, но и въ другихъ хвалять не должно. Сверхъ сего человекъ кривляньемъ другихъ забавляющій служишь имъ посмѣшищемъ, и долженъ отъ нихъ претерпѣвать издѣвки; а издѣвки какъ уже я часто примѣчалъ суть непростительны.

Часто слышимъ мы въ бесѣдѣ такихъ людей, кои въ разговорахъ своихъ для нѣкотораго по мнѣнію ихъ украшенія, мѣшаютъ кляшвы; но примѣнить должно, что никто споль не унижаетъ хорошаго имени доброй бесѣды какъ такіе люди. Низкаго воспитанія люди обыкновенно употребляютъ въ рѣчахъ божбу и бранныя слова: но божишься безъ всякой нужды, есть глупое, принужденное и худое дѣло.

Никогда не говори о своихъ или чужихъ домашнихъ обстоятельствевахъ; что касается до своихъ, то они для другихъ ничего не значатъ, но только скуку наводятъ; чужія же частныя обстоятельства для тебя ни мало не важны. Таковыя предметы весьма завязчивы и можно почестъ щастіемъ, если говоря о нихъ никого не обидишь. Въ семъ случаѣ не должно вѣрять на-

ружности, которая часто столь бываетъ прошивна истинному положенію дѣлъ между мужьями и ихъ женами, родителлями, ихъ дѣтьми, и мнимыми друзьями и пр. что съ наилучшими намереніями, чинимъ мы часто весьма не пріятныя ошибки.

Ни что болѣе успѣдитъ человека не можетъ, какъ если шуточныя или забавныя слова его, или найдутся не по вкусу бесѣды, или не будутъ поняты; если вмѣсто ожидаемой всеобщей похвалы примѣтитъ онъ въ слушающихъ молчаніе; или что еще и того хуже, если свою шутку или острое рѣченіе, принужденъ будетъ объяснять. Смущеніе его при такомъ случаѣ удобнѣе можно вообразить, нежели описать.

Не повторяй въ одной бесѣдѣ того, что ты слышалъ въ другой. Вещи по видимому ничего незначащія, если будутъ перенесены, то возымѣютъ гораздо важнѣйшія слѣдствія, нежели вообразить можно. Въ обращеніи находится нѣкоторой родъ общей тайной довѣренности, которою человекъ обязуется не выносить изъ бесѣды ни чего, хотя о томъ ни кто ему не напе-

минаетъ. Переносчикъ такого рода подверженъ бываетъ премногимъ хлопотамъ и сплешнямъ, и въ какое общество ни вступаетъ, всегда принимаемъ бываетъ съ опасеніемъ и холодностію.

Всегда соображай свои рѣчи съ состояніемъ тѣхъ особъ, съ коими говоришь; ибо я думаю, что нельзя говорить объ одной вещи и одинакимъ образомъ съ духовною особою, съ философомъ, военачальникомъ и женщиною.

Люди проспаго или низкаго сословія, когда по случаю вступаютъ въ добрую бесѣду, почитаютъ себя единственнымъ предметомъ ея вниманія. Если въ бесѣдѣ перешептываются, то они увѣрены, что то объ нихъ; если смѣются, то надъ ними; и если скажутъ что нибудь двусмысленное, что развѣ съ величайшею напязкою можетъ къ нимъ опрестись, то они всегда увѣрены, что то до нихъ касается. При такомъ случаѣ сперва перемѣняютъ свой видъ, а потомъ гнѣваются. Вѣжливый человекъ рѣдко думаетъ, и никогда не показываетъ вида, что онъ неуваженъ, презрѣнъ, или осмѣянъ въ бесѣдѣ; развѣ сіе столь явно учинено бу-

дешъ, что честь его потребуетъ отмстить за то надлежащимъ образомъ. На противъ того простой человекъ бываетъ сварливъ и привязчивъ, чрезвычайно чувствителенъ и вспыльчивъ за бездѣлицу. Онъ почитаетъ, что его недостаточно уважаютъ; думаетъ, что все, что ни говорятъ, все говорятъ на его счетъ. Если бесѣда смѣется, то онъ увѣренъ, что смѣется надъ нимъ; сердится, оказываетъ какую нибудь непристойность и сказавъ что нибудь грубое, заводитъ ссору, дабы зашипить мнимую свою честь.

Самыя рѣчи простаго человека, показывающъ низкость его воспитанія и обхожденія. Они наипаче касаются до домашнихъ его дѣлъ, до его слугъ, до превосходнаго порядка наблюдаемаго имъ въ своемъ семействѣ, и не большихъ приключеній въ его околѣтѣ случившихся; все сіе повѣсвуетъ онъ надутымъ образомъ, какъ будто важныя какія дѣла. Такого человека почестъ можно болшуномъ.

Нѣкоторой родъ внѣшней сановитости во взорахъ и движеніяхъ придаетъ важность, не унижая тѣмъ ни

остроумія ни ласковости. Безпрестанной смѣхъ и вѣтренная поворопливость въ поступкахъ, суть явные знаки непостоянства.

О БЕРЕЖЛИВОСТИ.

Глупый человекъ гораздо болѣе расточаетъ безъ всякой себѣ довѣренности или прибышка, нежели разсудительный, сохраняя при томъ и то и другое. Последний употребляетъ свои деньги такъ же какъ и свое время; изъ денегъ не трапитъ онъ ни полушки, а изъ времени ни минуты ни на что, кромѣ того, что или полезно, или нравится ему и другимъ. Первый же покупаетъ то, что ему не нужно, а не плашитъ за то, что нужно. Онъ не можетъ пропустить прелестямъ мѣлочныхъ уборовъ. Табакерки, часы, набалдашники и пр. приводятъ его въ настоящее разореніе. Слуги его и купцы сообразуясь его безпечности, стараются его обманывать; и въ краткое время онъ приходитъ въ удивленіе, что среди всѣхъ таковыхъ излишностей, находится еще въ недостаткѣ истин-

ныхъ утѣхъ и жизненныхъ необходимостей.

Безъ щцанія и бережливости величайшія богатства не могутъ удовлетворить всѣмъ нужнымъ издержкамъ; съ бережливостію же и малаго иждивенія на то довлѣетъ. Спайся, сколько возможно, плати за все покупаемое тобою наличными деньгами, и убѣгай векселей. Всегда плати самъ, а не чрезъ своего слугу, которой или выговариваетъ для себя по нѣскольку съ рубля, или требуетъ подарка за здержаніе своего слова, какъ они то называютъ. Если имѣешь счета (какъ то за кушанье, питье, платье и другія вещи), то уплачивай оныя порядочно, чрезъ каждой мѣсяць и при томъ самолично.

Не покупай никогда по излишней своей бережливости, такихъ вещей, кои тебѣ не нужны, по тому только что они дешевы; или по глупому щцеславію за тѣмъ, что онѣ дороги. Держи счетъ приходу и расходу: ибо всякъ кто знаетъ, что онъ получаетъ и что издерживаетъ, ни когда не имѣетъ безпорядка въ дѣлахъ. Я не въ томъ сіе говорю смыслъ, что должно записывать всякую

копѣйку, которую шратишь на бездѣлицы или что либо другое; такіе расходы не заслуживають потерянїя на нихъ времени и чернилъ. Оставляй такія спонкосни глунымъ или неимущимъ; но памяшуй что въ бережливости, такъ какъ въ другихъ случаяхъ жизни, должно имѣть надлежащее вниманіе къ достойнымъ предметамъ и должное презрѣніе къ малозначущимъ.

О ДРУЖЕСТВѢ.

Молодые люди вообще въ поступкахъ имѣють неосторожную откровенность, которая дѣлаеть ихъ жертвою и игралищемъ хитрыхъ и въ свѣтѣ обращающихся людей. Каждого плута или гупца, которой сказывается имъ другомъ, почишаютъ они такимъ; и за таковое объявленіе мнимаго дружества платятъ нескромною и неограниченною довѣренностію, всегда къ своему вреду и раззоренію. Остерегайся таковыхъ предлагаемыхъ тебѣ дружествъ. Приемли ихъ съ великою учтивостію, но притомъ и съ великимъ недоувѣріемъ; плати за нихъ учтивостями, а не до-

вѣрностію. Не думай что люди становятся друзьями, при первомъ свиданіи, или по краткомъ знакомствѣ, Истинное дружество, подобно медлѣнно распускающему древу, ни когда не можетъ принести пользы, если не будетъ основано на извѣданномъ и взаимномъ достоинствѣ.

Есть еще другой родъ мнимаго дружества между молодыми людьми, которое бываетъ на время искренно: но поспасію не долго продолжается. Сіе дружество сводятъ они скоро по той причинѣ, если по случаю опираются одно дѣло, или вмѣстѣ предаются распущенству. Таковое дружество, можно болѣе назвать заговоромъ противу непорочности нравовъ и добрыхъ качествъ, и надлежало бы по гражданскому законоположенію наказывать. Не взирая на то, молодые люди по беспыдству своему и глупости называютъ таковое единоумышленіе дружествомъ; ссужаютъ одинъ другаго деньгами, для худыхъ нуждъ; за соучастниковъ забавъ своихъ вступають въ ссору наступательнымъ и защитительнымъ образомъ; говорятъ другъ другу все то, что зна-

ють, а иногда еще и болѣе: но вдругъ какое нибудь приключеніе разрываетъ ихъ дружество, и тогда они другъ о другъ болѣе не думаютъ, кромѣ такихъ случаевъ, когда дѣло дойдетъ до осмѣянія глупой своей довѣренности.

Если кто употребляетъ сильныя увѣренія или клязбы для внушенія тебѣ такой вещи, которая сама по себѣ споль вѣроятна, что одного слова для того довольно бы было, то знай, что онъ тебя обманываетъ, и великую себѣ находитъ пользу въ томъ, чтобъ ты ему вѣрилъ, а безъ того не принималъ бы онъ сполько на себя безпокойствъ.

Должно различать пріятелей отъ друзей; ибо весьма забавной и веселой пріятель можетъ учиниться, да и часно бываетъ весьма худымъ и опаснымъ другомъ. Люди весьма много заключаютъ о тебѣ могутъ по мнѣнію своему о своихъ друзьяхъ. За вѣрное можно положить, что человекъ, которой избираетъ себѣ другомъ или пронырливаго, или глупаго человека, имѣетъ въ намѣреніи какое нибудь худое дѣло, или щипится оно скрыть. Но если стараешься избѣгатьъ дружества съ пронырливыми или

глупцами, (когда только можно назвать се дружествомъ), но не должно никакъ же безъ разсудка и безъ всякой нужды чинить ихъ себѣ врагами: ибо такого рода людей великое множество въ свѣтѣ. Что касается до меня, то я бы лучше избралъ надежное непосредство, нежели союзъ или явную брань съ такими людьми. Можешь ты быть явнымъ непріателемъ ихъ пороковъ и глупостей, но такъ чтобы они о томъ не вѣдали; ихъ вражда столь же опасна какъ и самое дружество. Осерегайся надлежащимъ образомъ почти всякаго челоука; но старайся скрывать такую твою осторожность. Весьма непріятно показывать противъ нихъ видъ оспорожности, а весьма опасно оной не имѣть. Малые держатся настоящей середины; многіе смѣшнымъ образомъ содержатъ въ тайнѣ бездѣлицы и стараются имѣть осторожность въ разсужденіи ихъ, а многіе безразсудно сообщаютъ другимъ все, что имъ ни извѣстно.

О ВЪЖЛИВОСТИ.

Весьма справедливо опредѣляютъ; что въжливоснѣ есть произведеніе великой разсудительности, нѣкоторой части добродушія и опроверженія своихъ выгодъ ради ближняго, въ надеждѣ получить отъ него равное себѣ снисхожденіе.

Одна только въжливость при первомъ свиданіи можетъ снискасть намъ благосклонность отъ людей; но для извѣданія другихъ качествъ ихъ, болѣе необходимо времени. Однакожъ въжливость состоитъ не въ низкихъ поклонахъ и въ наружныхъ знакахъ учтивства; но въ вольномъ учтивомъ и почтительномъ обращеніи.

Разсудительность, должна во многихъ случаяхъ руководствоваться въжливостію: ибо что въ одно время одному человѣку кажется учтивымъ, то въ другое время и другому человѣку, покажется грубымъ. Однакожъ есть нѣкоторыя общія правила въжливости. Какъ на примѣръ: опрѣчатъ кому ни будь однимъ словомъ да, или нѣтъ, считаешься за чрезмѣрную грубость; такъ-

же если кто тебѣ другой говоритъ, а ты его съ надлежащимъ вниманіемъ не выслушаешь или учиваго не дашь отвѣща, то таковой поступокъ какъ уже выше сего сказано вперяетъ въ говорящаго съ нами человека такіа мысли, что мы его презираемъ, и не почитаемъ достойнымъ нашего вниманія или отвѣща.

Вѣжливый человекъ старается всегда отвѣчать учивымъ образомъ тѣмъ, кои съ нимъ говорятъ; садится ниже другихъ, развѣ только посадятъ его выше; все дѣлаетъ съ веселымъ, а не съ печальнымъ видомъ, какъ будто нехотя по дѣлаетъ.

Всего труднѣе приобрести, но всего нужнѣе имѣть совершенную вѣжливость, которая противна излишней *тщеславности*, *неблагодарности* и *грубой застенчивости*. Иногда нужны для нея нѣкоторыя *мѣстныя* *услуживства*, нѣкоторой родъ *твердости*, а паче *внѣшняя скромность*.

Добродѣтель и ученость подобно золошу имѣютъ существенную свою цѣну; но если не будутъ очищены, то теряютъ много блеску. **Высвѣпленная**

мѣдъ у многихъ людей большее внима-
ніе заслуживаетъ, нежели не обдѣланное
золото. Сколько погрѣшностей во Фран-
цузахъ закрываетъ пріятная и не при-
нужденная ихъ вѣжливость?

Лордъ Баконъ говоритъ, что прі-
ятной видъ есть непремѣнное одобри-
тельное письмо. Онъ есть пріятный
предшественникъ человѣческаго досто-
инства, и приугошвляетъ для него
путь.

Вѣжливый человѣкъ долженъ знать
обряды и различныя обыкновенія Дво-
ровъ. Каждой Дворъ имѣетъ что нибудь
особое, о чемъ посѣщающіе ихъ должны
напередъ знать, дабы избѣжать ошибокъ
и непристойностей.

Весьма не многіе, и почти никто
не впускаетъ оказывать почтенія выш-
шимъ себя. Человѣкъ обращающійся въ
свѣтѣ оказываетъ оное во всемъ его
пространствѣ, но безъ всякаго прину-
жденія и замѣшательства: на прошивъ
того, человѣкъ копорой не обращался
въ добрыхъ бесѣдахъ, изъясляетъ оное
безъ малѣйшей пріятности; всякъ ви-
дѣтъ можетъ что онъ къ тому не прио-
быкъ и что оно ему стоить великаго

трудо: но я не видывалъ, чтобы и самый невѣжа, непристойности оказывалъ въ такой бесѣдѣ, которую онъ почитаетъ. Въ такихъ бесѣдахъ одно только наблюдать должно, чтобы почтение, которое каждый исполнилъ желаетъ, оказывать непринужденнымъ, порядочнымъ и пріятнымъ образомъ.

Въ такихъ бесѣдахъ, въ коихъ люди бываютъ различныхъ состояній, всякъ въ нихъ участвующій, по крайней мѣрѣ на то только время, почитается равнымъ съ прочими; и слѣдовательно всякой истинное имѣетъ право наслаждаться въ ономъ учтивостями и вѣжливостію. *Вольность* тутъ позволительна: но безличность, и нерадѣніе только запрещены. Если кто начнетъ съ шобою говорить глупо или легкомысленно; то поступишь ты не только грубо, но можно сказать совсемъ непристойно, если явнымъ невниманіемъ словъ его, дашъ ему знашь, что ты его почитаешь или глупымъ, или вѣтреннымъ и недостойнымъ выслушанія. Еще большею грубостію почестъ должно, если скажешь сіе женщинамъ, которыя какого бы состоянія ни были;

въ разсужденіи пола своего имѣютъ право требовать отъ мужчинъ не только осторожной, но и съ услужливостію соединенной вѣжливости. Вѣжливой человекъ долженъ не только удовлетворять ихъ нуждамъ, желаніямъ, сообразоваться отъ обращенію, прихотямъ, зашѣямъ и нѣкоторой ихъ наглости, но пошворять и если можно предбугадывать и предускорять оныя. Не должно никогда похищать собственно для себя тѣхъ удобностей и пріятностей, на кои всякой въ бесѣдѣ имѣетъ право; какъ то лучшихъ мѣсцъ, или лучшихъ кушаньевъ и пр. но на прошивъ того пристойнѣе лишать себя оныхъ и уступать другимъ, кои взаимнымъ образомъ и сами себѣ оныя предлагаютъ; такъ что на конецъ и ты въ свою череду можешь наслаждаться своею частію общаго права.

Есть родъ вѣжливости мѣстныи и образъ ея перемѣняется не только по различнымъ странамъ, но и по различнымъ городамъ одной области. Разсудительной человекъ со вниманіемъ примѣчаетъ мѣстныя обыкновенія тѣхъ бесѣдъ, въ кои входитъ, поспавляя се-

бѣ образемъ особѣ, превосходнѣйшею вѣжливостію и благороднѣйшими поступками украшенныхъ. Онѣ наблюдаешѣ какимъ образомъ поступающѣ они со своими начальниками, какъ обходящѣся съ равными себѣ и какъ принимающѣ нижшихъ себя, и не упускаешѣ опѣ своего вниманія ни единой изъ оныхъ малыхъ тонкостей, которыя для вѣжливости столь же важны, какъ тонкія опѣшки для изящной картины, о коихъ проспой народѣ никакого не имѣешѣ понятія, развѣ по сужденію знатоковъ о самомъ живописцѣ. Даже вѣ самомъ видѣ, одѣяніи, и движеніяхъ онѣ имѣ подражаешѣ; но безъ всякаго принужденія и не рабски. Сіи личныя доспокинспва весьма важны. Онѣ предварительно располагающѣ чувспвованія другихъ вѣ нашу пользу, пока истинное наше достоинство не вперитѣ вѣ мысли ихъ наспоющихъ о насѣ мнѣній.

Однимъ словомъ, какъ для пріобрѣтенія почтенія и удивленія людскаго нужно имѣти честь и добродѣтель, шакъ учспвство и вѣжливость необходимы для учиненія насѣ пріятными вѣ обращеніи и общежитіи. Великія дарованія

суть прѣвыше общаго понятія: ибо общество не только ихъ не имѣетъ, но и въ другихъ не можетъ о нихъ судить. На противъ того всякъ можетъ судить о меньшихъ дарованіяхъ, какъ то: о учтивствѣ, привѣпливости и пріятномъ обхожденіи, по тому что всякъ чувствуетъ добрыя оныхъ дѣйствія составляющія пріятность бесѣды.

Въ заключеніе всего скажу, что величайшая ученость безъ вѣжливости, есть неприспойное и скучное педагогство; что человекъ несовершенно вѣжливый неспособенъ для добраго бесѣды, и въ ней бываетъ непріятенъ, и что невѣжливый человекъ какъ къ оппавленію дѣлъ, такъ и къ бесѣдѣ неспособенъ.

И такъ вѣжливость да будетъ важнѣйшимъ предметомъ своихъ мыслей и дѣйствій. Со щаніемъ примѣчай поведеніе и поступки людей отличавшихся своею вѣжливостію, подражай имъ и старайся еще превзойти. Будь увѣренъ, что вѣжливость въ разсужденіи свѣтскихъ качествъ столь же важна, какъ и любовь къ ближнему въ разсужденіи христіанскихъ добродѣтелей; пріятномъ же сколь великое придаетъ она

украшеніе достоинствамъ и сколь часто закрываетъ недостатокъ оныхъ.

О ПРІЯТНОСТЯХЪ.

Желаніе нравиться есть половина науки быти въ обществѣ пріятнымъ; все прочее зависитъ только отъ поступковъ, коимъ научиться можно посредствомъ вниманія, примѣчанія и часто изъ добрыхъ бесѣдъ. Тѣ, кои не старающіяся, не радящія и ни мало не помышляющія о томъ, чтобъ нравиться другимъ, безъ сомнѣнія никогда не могутъ понравиться. Искусство нравиться нужно весьма для свѣтскаго человека, но весьма шрудно его приобрести. Поступать такимъ образомъ, какъ желаемъ, чтобы другіе съ нами поступали, есть надежнѣйшій способъ нравиться. Рачительно примѣчай, что пріятное намъ въ другихъ, понравится и въ насъ другимъ. Если пріятно намъ снисхожденіе и вниманіе другихъ къ нашему нраву, вкусу, и нашимъ слабостямъ, то поже самое снисхожденіе и вниманіе оказанное отъ насъ другимъ, безъ сомнѣнія и имъ понравится. Показывашь

сановитость, веселость, а иногда и бездѣлицами занимаюсь и тѣмъ, чѣмъ тогда занимаешься цѣлая бесѣда, есть вниманіе, которымъ каждой частной чело-вѣкѣ одолженъ обществу. Разсудительность и добродушіе суть первѣйшія руководства въ наукѣ нравиться, а собственные наши наблюденія и добрыя наставленія другихъ, должны дать оной истинный видъ и вкусъ.

Пріятное лице, видъ, и рѣчь суть главнѣйшія вещи. Рѣчь выговоренная вѣжливымъ чело-вѣкомъ привлекательнымъ образомъ, съ пріятностію и съ разстановкою, безъсомнѣнія понравится; но даже самая рѣчь, если сказана будетъ нескладно, съ печальнымъ взоромъ отъ грубаго чело-вѣка, то ни мало не понравится. Стихотворцы представляютъ всегда Венеру, сопровождаемую Граціями (пріятностями), означая тѣмъ, что и красота безъ оныхъ, немного значить. Минерва такъже должна бы имѣть трехъ Грацій; ибо безъ нихъ ученіе мало имѣетъ прелестей.

Если мы разсмотримъ сами въ себѣ, почему нѣкоторые нравятся и привлекаютъ насъ болѣе, нежели другіе рав-

ныхъ съ ними достоинствъ; по увидимъ, что первые имѣютъ пріятности, а послѣдніе оныхъ лишены. Случалось мнѣ видѣть женщинъ, кои съ прелестнымъ лицомъ соединяли порядочное расположение всѣхъ часшей шѣла, но никому не нравились; на противъ того другія съ лицомъ посредственно красивымъ и спашностию, плѣняли каждого. По справедливости и Венера не споль плѣнитъ безъ своихъ Грацій, какъ онѣ могутъ плѣнить безъ самой Венеры. Между людьми, сколь часно истинное достоинство бываетъ пренебрегаемо, худо приемено, а иногда и отвергается попому, что не имѣетъ пріятностей. Напротивъ того гибкій чловѣкъ имѣющій мало знаній, и еще меньше достоинствъ, но украшенный пріятностями, приеменяется хорошо, обласканъ и еще въ нѣкоторыхъ возбуждаетъ къ себѣ удивленіе.

Теперь приступимъ къ изслѣдованію: какія суть оныя пріятности, и предложимъ нѣкоторыя наставленія къ приобрѣщенію ихъ.

Первая постуль рѣшитъ часно на всегда щастіе и уваженіе чловѣка. Если

она пріятна, то люди почти прошиву своего хомѣнія увѣряются, что онѣ имѣють достоинства, коихъ можетъ быть въ немъ и нѣтъ; на прошивъ того если она не пріятна, то они бывають о немъ худо предувѣрены, и не думаютъ чѣмъ въ немъ были достоинства, коими можетъ быть онъ въ самомъ дѣлѣ одаренъ. Если женщина уронишь свое опахало, то самый невѣжливый человекъ въ Европѣ безъ сомнѣнія оное подниметъ и вручитъ ей; самый вѣжливый не болѣе того учинитъ. Однакожъ какое между обоими различіе! Послѣдній вручивъ оное съ пріятною распорочностію вселитъ добрыя о себѣ мысли; первой же на прошивъ того осмѣянъ будетъ за то, что не искусно оное учинилъ. Посупки благороднаго человека, должны быть благоприсойны, и дѣйствія его исполнены пріятности. Онъ наипаче спарашся долженъ о посупкахъ и приемахъ своихъ, когда всшупаетъ въ бесѣду: чѣмъ бы онъ были почтительны безъ низкости, свободны безъ чрезвычайной вольности, благородны безъ принужденности и вкрадчивы; но чѣмъ подъ ними

не скрывалось никакого коварнаго намѣренія. Какъ мужчины, такъ и женщины болѣе слѣдуютъ внушенію своего сердца, нежели разсудка. Путь къ сердцу находимъ мы чрезъ чувства; спарайся понравиться глазамъ и слуху, тогда можешь почестъ, что половина дѣла сдѣлана.

Человѣкъ въ поступкахъ благородной не теряетъ своей внимательности и при выборѣ увеселеній. Въ карточной игрѣ не будешь онъ играть въ самыя простыя игры; изъ шѣлесныхъ же упражненій не станешь забавляться мячикомъ, городками и другими играми: ибо извѣстно, что оныя для него низки. Я долженъ такъже сказать, что играніе на какомъ нибудь инструментахъ, для благороднаго человѣка не весьма прилично. Музыка по всей справедливости полагается въ число свободныхъ художествъ: но свѣтскій человѣкъ которой играетъ на какомъ нибудь инструментахъ нѣкоторымъ образомъ унижаетъ свое достоинство. Если ты любишь музыку, то слушай ее, плаши музыкантамъ, кои для себя играютъ, но самъ никогда не играй. Сіе приводитъ чело-

вѣка иногда вѣ посмѣляніе и униженіе, принуждаетъ вступающа вѣ худыя обществѣа и шеряюща время, которое могло бы быти употреблено на другое лучшее дѣло.

Старайся приобрести модную способность говорить о бездѣлицахъ, что употребительно во всѣхъ изящныхъ обществахъ и что сколь само по себѣ ни мало, однакожъ во всякихъ бесѣдахъ и при столѣ употребляется. Таковыя рѣчи касающа до общественныхъ произшествій вѣ Европѣ, и о семѣ гораздо приличнѣе вѣ бесѣдахъ говорить. Чашно рѣчь идетъ о числѣ, добротѣ, военномъ устройствѣ и одѣяніи войскъ различныхъ Европейскихъ державъ; иногда о фамиліяхъ, бракахъ, средствахъ Государей и знашныхъ особахъ; а иногда о великолѣпнѣи публичныхъ увеселеній, баловъ, маскарадовъ и пр. При такихъ случаяхъ не худо такъже знать говорить и о кушаньяхъ, и быти такъже вѣ состояніи разсуждать о приговореніи и вкусѣ винъ. Хотя сіи вещи по справедливости весьма малозначущи, но весьма часто встрѣчающа, по должно

о нихъ говоришь съ вѣжливосшію и припнносшію.

Должно содержать себя опрптно. Нечиспола во рпу имѣеніѣ худыя слѣдствія : ибо она производишь гнилосшь и несперпимую боль вѣ зубахъ, и другимъ весьма прощвна , по шому чшо производишь весьма худой запахъ.

Сш малыя вещи можешь бышь покажутся ничего не значущими и не досшойными упоминанія ; но когда воспомнимъ, чшо великое множество малыхъ вещицъ, кои всякой чувспвуешь, но ни кшо описашь неможешъ, способспвующи къ составленію цѣлаго, чемъ нравишься можно, по я думаю, чшо не должно называть ихъ бездѣлицею. — Сверхъ сего число бѣлье и числопа пѣлесная, какъ для здравія нужны , такъ и для шого, чшобы не возбудишь вѣ другихъ къ себѣ опшращенія. Я всегда почиалъ непреложнымъ положеніемъ, которое вѣ жизни моей видѣлъ оправданнымъ, чшо нерадивый человекъ вѣ двадцать лѣтъ, бываетъ неопрптнымъ вѣ сорокъ , и несперпимымъ вѣ ппшдесяти лѣтъ своей жизни.

Примѣчай со вниманіемъ, какія слова употребляютъ вѣжливые люди при засвидѣтельствѣваніи поздравленій и сожалѣній, начальникамъ своимъ, нижшимъ себя и равнымъ. Перенимай ихъ видъ и голосъ: ибо все по отношению къ искусству нравишься. —

Въ бесѣдахъ есть родъ нарѣчій и изящныхъ рѣченій, которыя всякой благородный человекъ долженъ совершенно знать, на какомъ бы онъ языкѣ ни говорилъ. Французы великое къ тому употребляютъ реченіе, да и языкъ ихъ, на которомъ можно говорить оборотными словами, помогаетъ имъ въ томъ чрезвычайно. — Нѣжность въ выговорѣ есть отличительный знакъ лучшаго состоянія людей и добраго общества.

Одѣяніе есть одно изъ различныхъ принадлежностей входящихъ въ науку нравишься, и потому не малый предметъ вниманія; ибо мы всегда по одеждѣ судимъ о соспояніи и качествахъ людей. — Излишность въ одеждѣ означаетъ недосташокъ въ разсудкѣ. Благоразумные люди тщательно убѣгаютъ отличности въ платьѣ, они стараются только о чистотѣ. Должно одѣваться по

примѣру разумныхъ и лучшаго состоянія людей того мѣста, въ которомъ находишься. Если одѣваешься будешь пышнѣе нежели они, то почтутъ тебя за глупца; еслижъ хуже, то сіе поставится въ непростибельное нерадѣніе. Но для молодаго человѣка пристойнѣе одѣваться съ излишествомъ, нежели съ недоспашкомъ; излишество въ семъ случаѣ проходитъ съ лѣтами, и разсужденіемъ умѣрено быть можетъ.

Различіе въ одеждѣ между порядочнымъ человѣкомъ и глупцомъ состоитъ въ томъ, что глупый думаетъ заслужить себѣ уваженіе своимъ плашемъ; но разсудительный человѣкъ надъ шѣмъ смѣется, хотя и самъ того не пренебрегаетъ. Есть великое множество излишнихъ обыкновений сего рода, кои поелику ни какой винности въ себѣ не заключаютъ, но и заслуживаютъ, чтобы разсудительные люди ихъ исполняли. Діогенъ Циникъ былъ умной человѣкъ, потому что презиралъ обыкновенія: но глупымъ за то почтешся можетъ, что презрѣніе свое явно оказывалъ.

Должно стараться имѣть хорошую походку; совершенное пренебреженіе одѣ-

янія и вида, есть поруганіе наносимое обыкновеніямъ и модѣ. Женщины весьма разборчивы въ разсужденіи модныхъ качествъ и вѣжливости; невѣжливый человѣкъ никогда не получитъ ихъ похвалы, которая не по достоинству, но по числу женщинъ важна.

Когда мы въ день однажды одѣнемся, то не должны уже послѣ того болѣе о томъ пещися; и не прилагая единственнаго старанія о збереженіи платья, должно поступать столь же непринуждено и свободно, какъ будто на насъ онаго нѣтъ.

Танцованіе хотя столь же бездѣльная вещь, однакожъ есть одно изъ сихъ употребительныхъ дурачествъ, которому разсудительные люди иногда принуждены сообразоваться; но если они то и дѣлаютъ, то должны дѣлать превосходно.

Пить за здоровье выходитъ теперь изъ обыкновенія, и почитается неучивствомъ въ хорошей бесѣдѣ. — Обыкновеніе вспарину ввело сіе въ общее употребленіе, но просвѣщенные нынѣшніе нравы, почитаютъ сіе за нелѣпое и просонародное дѣло. Что можешь

почесться грубѣе или смѣшнѣе какъ беспокоить людей за обѣдомъ не нужными поклонами? И такъ должно воздерживаться отъ сего страннаго обыкновенія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оно вышло изъ употребленія, а сообразоваться при такихъ только столахъ, гдѣ оно еще наблюдается.

Смѣлость часто несправедливымъ образомъ почитается безстыдствомъ. Что до меня касается, то я въ томъ не нахожу безстыдства, на противъ того почитаю чрезвычайною пользою, если кто вступаетъ во всякую бесѣду съ равнодушіемъ и твердостью; если же кто сего не можетъ дѣлать, тотъ не можетъ вступать хорошо. Все, что дѣлаемъ съ нерѣшительностію и смущеніемъ, то дѣлаемъ худо; и если чловѣкъ не во всякой бесѣдѣ свободенъ, или смѣлъ, того ни когда не будутъ уважать или хорошо принимать. Увѣренность и смѣлость, подъ покровомъ внѣшней скромности очищаясь путь достоинства, кои безъ того лишились бы всей бодрости по причинѣ прудности въ души встрѣчающихся; на противъ того явное безстыдство есть

шумный и наглый предшественникъ безразсудности и худыхъ качествъ.

Разсудительной человекъ можетъ спѣшить, но ни когда не суешился, зная, что все чинимое съ поропливостію худо удается. Онъ можетъ спѣшить отправленіемъ дѣла, но при томъ спарается, чтобъ поспѣшность не чинила препяшствій въ надлежащемъ отправленіи онаго. Малоумные всегда суешиются, если предмѣшъ кажется имъ великимъ; они бѣгаютъ, торопятся, смущаются, приходящъ въ замѣшательство; хошящъ всѣ дѣла опправить разомъ, и ни одного къ окончанію не приводятъ. Но разсудительный человекъ для окончанія предпріемлемаго дѣла беретъ время для того нужное; а поспѣшность его въ отправленіи онаго, видна только по безпреспанному къ нему прилѣжанію; онъ исполняетъ то съ равнодушіемъ и оканчиваетъ прежде нежели начнешъ другое.

Часпой и громкой смѣхъ показываешъ глупость или развращенной нравъ. Онъ есть способъ, посредствомъ котораго чернъ изъясляешъ глупое удовольствіе при зрѣніи глупыхъ дѣлъ и того

что ей забавнымъ кажется. По моимъ мыслямъ нѣтъ ни чего споль не похвальнаго и невѣжливаго какъ громкой смѣхъ. Истинное остроуміе не полагаетъ своего удовольствія въ возбужденіи смѣха; такую малость не почитаетъ оно пруда достойною: но увеселяетъ разумъ и побуждаетъ оказываться на лицѣ знакамъ пріятности. Низкое кощунство или спранныя приключенія возбуждаютъ всегда смѣхъ; разсудительные и вѣжливые люди должны сего избѣгать. Если человекъ вознамбрившійся сѣсть, представляя себѣ, что позади его спойтъ стулъ, упадетъ назадъ потому, что онаго шамъ нѣтъ, то приведетъ шѣмъ всю бесѣду гораздо въ большій смѣхъ, нежели остроумнѣйшій человекъ; сіе доказываетъ ясно, сколь смѣхъ есть низкое и непристойное дѣло. Я не упоминаю о непристойномъ шумѣ и безобразномъ положеніи лица, кошорья не пристойной смѣхъ производитъ.

Многіе по простотѣ своей приобрѣли весьма неприятную и глупую привычку смѣяться при всякомъ словѣ, и я знаю весьма хорошаго состоянія лю-

дей, кои малѣйшей вещи пересказашь безъ смѣху не могутъ; сіе незнакомыхъ принуждаешь почиашь ихъ при первомъ взглядѣ за сумасшедшихъ.

Весьма важно для человека писать хорошо письма: ибо сіе дарованіе нужно какъ для дѣлъ такъ и для удовольствія. Ошибки въ правописаніи или въ самомъ слогѣ простишительны однимъ только женщинамъ; да и въ оныхъ сей недоспашокъ не совсѣмъ извинителенъ. Письма Цицеронова суть совершеннѣйшій для того образецъ.

Письма должны бытъ вольнаго и не принужденнаго слога и извѣляшъ мысли наши столь же хорошо и обстоятельно, какъ будто мы лично говорили съ тѣми людьми, къ коимъ оныя посылаемъ.

Наилучшіе образцы для писемъ суть Цицеронъ, Кардиналъ д'Оссатъ, Госпожа Севиньё и Графъ Бюсси Рабюшень.— Цицеронова письма къ Аппику и другимъ искреннимъ пріятелямъ суть наилучшіе образцы въ дружескомъ слогѣ.— Простота и ясность писемъ Кардинала д'Оссата показываютъ, какимъ образомъ должно писать дѣловыя письма. Что

касается до веселыхъ и забавныхъ, то нѣтъ лучше писемъ Графа Бюсси и Госпожи Севиньё. Они столь просты, что подобны болѣе вольнымъ разговорамъ двухъ остроумныхъ особъ, нежели письмамъ.

Числопа въ складываніи, запечатаніи и надписи, не должна такъже быть пренебрегаема. Въ самой наружности письма заключается нѣчто нравящееся или прошивное, а потому и заслуживаетъ се нѣкоторое вниманіе.

При вступленіи въ свѣтъ молодой человекъ ничего столь опасаться не долженъ, какъ имѣть что нибудь въ себѣ смѣшное, и для того великой стараніемъ избѣжанію отъ того употребить надлежитъ. Сіе будетъ нѣсколько его унижать даже и во мнѣніи разсудительнѣйшихъ людей, но въ мысляхъ прочихъ совершенное ему наноситъ безчестіе. — Многіе приходили въ замѣшательство потому, что приобрѣли себѣ какое нибудь смѣшное названіе. Причины смѣшныхъ названій между благовоспишанными людьми суть вообще не большія недоспашки во нравѣ, выговорѣ, видѣ или поступкахъ. Названіе зак-

ки, моргуна вялаго, коршаваго, розини, кривоногаго, присоединенное къ настоящему имени большее наноситъ оскорбленіе, нежели вообразить возможно; и такъ убѣгая сихъ не большихъ недоспашковъ можешь избѣгнуть осмѣянія.

Для приобрѣтенія пріятнаго произношенія читай въ слухъ каждой день въ присутствіи своихъ пріятелей, и проси ихъ чтобъ прерывали твое чтеніе и поправляли тебя, если ты гдѣ читаешь скоро, не наблюдаешь надлежащей распановки, ударенія или выговариваешь слова не внятно. Можешь такъ же и одинъ читать и исправлять свое произношеніе по слуху. Старайся не оголять своихъ зубовъ во время чтенія или разговорѣ, и выговаривай раздѣльно каждое слово; что должно на ипаче наблюдать при звучныхъ и конечныхъ буквахъ. Паче всего старайся измѣнять свой голосъ смотря по предмету и избѣгай единогласія.

Нѣкоторые когда говорятъ, то зашворяютъ почти со всѣмъ свой ротъ, и такъ болтаютъ, что ихъ не можно почти понять. Другіе столь часто и

скоро говорятъ, что еще и больше ихъ разумѣть нельзя, иные же столь громко, какъ будто говорятъ съ глухими: а другіе столь тихо, что не можно ихъ разслушать. Всѣ сіи навыки непристойны и опвращивельны. Они суть опличительные признаки просныхъ людей, которые не имѣли ни малаго о помѣщеніи во время своего воспитанія.

Слогъ есть одежда мыслей. Сколь бы онъ ни были истинны; но если слогъ твой сухъ, не складенъ и грубъ, то и мысли твои покажутся столь же не складны и столь же худо приняты будуще какъ и самъ ты, сколь бы впрочемъ спаненъ ни былъ, если будешь одѣтъ въ замаранное, изорванное и гнусное платье. Не каждого разумъ можешь судить о вещи, о которой ты говоришь; но каждого слухъ судить и можешь болѣе или менѣе судить о слогѣ своемъ.

На какомъ бы ты языкѣ ни писалъ или говорилъ, спарайся пріобыкнуть къ исправности и чистотѣ слога.

Кто не лишился употребленія своихъ глазъ и правой руки, тотъ можешь писать всякимъ почеркомъ какимъ

ему угодно; но ни что такой хулы недостойно, какъ марашъ по примѣру дѣшей учащихся писать. Я не желаю, чтобъ ты писалъ размашистымъ и кудравымъ почеркомъ, но благообразнымъ, чопкимъ и вольнымъ письмомъ, и припомъ что бы скоро. Чтожъ касается до исправности и чистоты своего писанія, то одно изъ примѣчанія грамматическихъ писателей, а другое изъ изящнѣйшихъ сочинителей почерпнуть можно.

Употребленіе простонародныхъ рѣченій, въ разговорахъ есть явный знакъ худой бесѣды и худого воспитанія. Пословицы и обыкновенныя приговорки суть цвѣты простонароднаго краснорѣчія. Нѣкоторые вмѣсто украшенія примѣшиваютъ въ разговорахъ грубыя и нѣжному слуху противныя рѣченія; такъ какъ ученые женщины мѣшаютъ въ рѣчахъ своихъ Французскія слова. Человѣкъ большаго свѣта ни когда не прибѣгаетъ къ пословицамъ, и простонароднымъ поговоркамъ; но съ великимъ раченіемъ старается говорить исправно, по грамматически и произноситъ надлежащимъ образомъ.

Ворчанье про себя, стукъ пальцами, шарканье ногами и другіе тому подобныя непристойныя навыки, поелику супъ недоспашки добронравія, то должно ихъ щательно убѣгать, какъ явныхъ знаковъ не уваженія нашего къ присутствующимъ особамъ.

Кушашъ весьма скоро или весьма медлѣнно, и нагнувшись на тарелку есть знакъ невѣжи. Также приюхивашъ кушанье когда уже несешъ оное въ ротъ весьма не учтиво. — Если не нравится тебѣ предложенная яства, то не прогай ее; а нюхая или осматривая оную даешъ знать своему пріятелю, что ты его оуждаешъ, за то что предложилъ тебѣ нездоровую яству.

Въ заключеніе сего скажу, что ни когда не должно ходишь скоро; сіе почишаешъ знакомъ проспаго воспитанія, не пристойнымъ благородному чловѣку, хоша сіе перпишя въ купцѣ.

Смотрѣшь приспально въ лице встрѣтившемуся съ тобою чловѣку, есть шакъже дѣйствіе невѣжеспава; симъ даешъ знать, какъ будто ты примѣ-

шилъ что нибудь чудное въ его лицѣ и осуждаешъ его тайно.

ПОЗНАНІЕ СВѢТА.

Во время юности нашей должны мы спарашься о приобрѣщеніи всевозможныхъ знаній. Хотя въ сіе время въпренности и разсѣянія не имѣемъ мы случая оныхъ употреблять, однакожъ придетъ время, въ которое онѣ намъ не обходимы будутъ для нашей жизни.

Познаніе свѣта приобрѣщается не въ уединеніи, но въ самомъ свѣтѣ. Книги не могутъ оному научить; однакоже вниманію швоему могутъ представить такія вещи, коихъ безъ того не возмогъ бы ты знать. При томъ если сравнишь собственныя швои примѣчанія въ разсужденіи рода человѣческаго съ наблюденіями изъ книгъ почерпнутыми, то сіе весьма поможетъ тебѣ найши истинну.

Для познанія свѣта, пошребно столько же вниманія и раченія, какъ и для познанія наукъ, но гораздо болѣе остроумія и разсмотрительности. Я знаю многихъ пожилыхъ людей, кои всю свою

жизнь препроводили въ большомъ свѣтѣ; но съ такою въпренностію и невниманіемъ, что они и теперь столь же мало свѣтъ знаютъ, какъ знали и въ пятнадцать лѣтъ. Не льсти себѣ надеждою, что можешь почерпнуть сіе познаніе свѣта изъ легкомысленныхъ разговоровъ пусныхъ бесѣдъ; тебѣ да-льше должно проникать. Ты долженъ столько же смотрѣть на внутренность людей, какъ и на ихъ наружность. И такъ съ величайшимъ раченіемъ вникай во нравы всѣхъ тѣхъ, съ коими ты зна-еши; старайся узнать господствующія въ нихъ слабости, шщеславіе, глупости и прихоти; шщися познашь такъже всѣ справедливыя и несправедливыя, умныя и глущія побужденія чело-вѣческихъ дѣяній, кои изъ существъ разумомъ одаренныхъ преворятъ насъ въ непостоянныхъ и шщеславныхъ тварей.

Нѣтъ въ свѣтѣ столь незначущихъ и маловажныхъ людей, кои бы по времени и случаю небыли въ чемъ нибудь тебѣ полезны; но всегда отрекутся спсѣшествовать твоей пользѣ, если ты имъ окажешь презрѣніе. Ошибки часто

прощаемы бываютъ : но презрѣніе никогда. Врѣжденное въ насъ честолюбіе всегда о томъ напоминаетъ. И такъ не забывай скрывать съ великимъ раченіемъ свое презрѣніе къ другимъ, хотя оно и справедливо, если не хочешь нажить себѣ непримиримыхъ враговъ. Люди не столь стараются скрывать свои преступленія, сколь слабости и несовершенства; и если скажешь ты человеку, что ты его считаешь глупымъ, не знающимъ, или невѣжливымъ и грубымъ, то онъ за то себя гораздо болѣе возненавидитъ, нежели за то, когда бы ты сказалъ ему что онъ плутъ.

Нѣтъ большаго поруганія, если кто старается дать другому возчувствовать его предъ собою недостатокъ въ знаніяхъ, достоинствѣ, богатствѣ и пр. Въ первомъ случаѣ таковой поступокъ доказываетъ невѣжливость и злое сердце, а въ послѣднихъ двухъ случаяхъ несправедливость, потому что ни то ни другое не состоитъ въ его возможности и власти. Вѣжливость и добросердечіе побуждаютъ насъ стараться отдавать другимъ преимущество, а не огорчать и унижать ихъ. Сверхъ

того сіе способствуєтѣ намѣ къ приоб-
рѣтенію друзей, а не враговѣ. Безпре-
станное стараніе нравишься, єсть нуж-
нѣйшая вещь для науки нравишься: оно
льститѣ самолюбію шѣхѣ, коимѣ мы
оное оказываемѣ; привлекаєтѣ и плѣ-
няетѣ гораздо болѣе, нежели другія важ-
нѣйшія вещи. Каждой человѣкѣ обязанѣ
нѣкоторымѣ образомѣ исполнять дол-
жности общественной жизни; но сіи
должности зависятѣ отѣ собственнаго
хотѣнія и сущѣ произвольная жертва
вѣжливости и добросердечія; ихѣ при-
емлютѣ, помнятѣ, и вознаграждаютѣ
шѣмѣ же самымѣ. Наипаче же женщи-
ны имѣютѣ особливое на нихѣ право и
всякое вѣ разсужденіи ихѣ упущеніе,
єсть грубая невѣжливость.

Никогда не должно чинитѣ такихѣ
порывовѣ, къ коимѣ нѣкоторые моло-
дые люди приспращны, состоящихѣ вѣ
обличеніи слабостей и недостатковѣ
другаго, или для увеселенія бесѣды, или
для показанія своего предѣ нимѣ пре-
восходства. Симѣ дѣйствіємѣ можемѣ
мы на тотѣ случай возбудитѣ смѣхѣ
вѣ бесѣдѣ; но приобрѣтемѣ себѣ враговѣ
навѣки. Даже и шѣ, кои сѣ нами вѣ мѣ-

ствѣ смѣются, разсудивъ о томъ, будишь послѣ насъ опасаться и презирать. Сіе есть знакъ развращеннаго сердца; доброе же сердце желаетъ лучше скрывать слабости и несчастныя недоспашки другихъ, нежели ихъ обнаруживать. Если мы одарены остроуміемъ, то употреблять его должны къ тому, чтобы имъ людей увеселять, а не огорчать; подобно солнцу въ умѣренныхъ поясахъ, можемъ мы оспрошю блистать, а не чернить.

Есть великое множество неогорчительныхъ дѣйствій необходимыхъ для свѣтской жизни, коихъ исполненіе чѣмъ скорѣе воспослѣдуетъ, тѣмъ большую привлечетъ намъ отъ другихъ любовь, тѣмъ скорѣе приведетъ насъ въ довѣренность. Юноши по побужденію живости и пылкости своего возраста почитаютъ ихъ бесполезными и отвергаютъ такъ какъ безпокойныя: послѣдующее въ пожилыхъ лѣтахъ знаніе свѣта и опытность, напоминаютъ имъ важность оныхъ; но уже нѣсколько поздно. Главнѣйшее изъ сихъ дѣйствій есть обузданіе нашихъ спростей, равнодушіе и спокойствіе на лицѣ, прелятшствующія дру-

гимъ изъ словъ , дѣлъ и даже взоровъ познавашь шѣ страсти или чувствованія , кои гнѣздятся въ нашемъ сердцѣ , и открытіе коихъ подаешь хладнокровнымъ и искуснымъ людямъ великія надъ нами выгоды , не только въ важныхъ дѣлахъ , но и во всѣхъ обыкновеннѣйшихъ приключеніяхъ нашей жизни. Человѣкъ , копорой неможешь слышать не пріятныхъ для него вещей , безъ явныхъ знаковъ гнѣва или перемѣны въ лицѣ , такъ же и пріятныхъ , безъ внезапнаго восхищенія и веселаго вида , удобно подпадаеть подлогамъ хитраго человѣка или наглаго глупца. Первый возбудитъ съ намѣреніемъ въ тебѣ радость или удовольствіе , дабы неоспорожными словами или взорами твоими воспользовавшись , посредствомъ оныхъ весьма удобно отгадать тайности твоего сердца , отъ коего ключъ ты долженъ самъ хранить , и никому не повѣрять ; послѣдній же нелѣпосыями своими безъ всякаго намѣренія произведешь шѣже самыя открытія , коихъ другіе непременно употребить въ свою пользу.

Если ты чувствуешь , что тебя тревожатъ внезапные порывы страстей

или неистовства, (ибо я не нахожу между ими различія развѣ только то, что человекъ однимъ долге зараженъ бываетъ нежели другимъ), то вознамѣрся внутрененно неговоришь ни слова во все по время, пока оныя въ себѣ ощущаешь.

Однимъ словомъ, спарайся во власти своей содержать спраси и наружной видѣ, такъ чптобы ни въ шомъ, ни въ другомъ не показывалось примѣшной переменны, что бы ты внутренно ни ощущалъ; хотя сіе весьма трудно, но не невозможно. Разсудительной человекъ, не только непокушается на невозможную вещь, и при шомъ ни какими трудностями не преодолевается: но напрошивъ того усугубивъ свою шщательность и прилѣжаніе, наконецъ всѣ препятствія превозмогаетъ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ благоразуміе повелѣваетъ настояшь и когда явная польза за онымъ дѣйствіемъ слѣдуетъ, то трудности да одушевляють швое шщаніе, а не отвращають тебя отъ предпріяшя. Если одинъ способъ не удаченъ, то испытай другой; будь дѣятеленъ, настой, и получишь желаемое. Нѣкоторымъ должно совѣшовать, нѣкоторымъ ласкать, иныхъ

успрашать, а другихъ раздражать; но наконецъ если искусно приступишь къ дѣлу, настоящимъ образомъ оное поведешь, и неупомимо нападашь будешь съ слабыхъ ихъ мѣстъ, то достигнешъ своего намѣренія. Должно съ осторожностію такъже избирать къ тому и время; каждой человекъ имѣетъ по временамъ свои слабости (*Mollia tempora*): но сіе не во всякое время случается. Если ты придеши къ человеку съ дѣломъ въ такое время, когда умъ его занятъ чемъ нибудь другимъ; когда сердце его наполнено печалію, гнѣвомъ или какимъ либо другимъ непріятнымъ чувствованіемъ, то избраніе такого времени въ собственнѣйшей тебѣ вредъ обратится.

Дабы судить о внутреннемъ расположеніи другихъ, старайся познать самого себя внутренно, ибо люди въ семъ случаѣ другъ другу подобны. Хотя иной имѣетъ въ себѣ одну господствующую страсть, а другой другую, однакожъ дѣйствія ихъ одинаки и что можетъ тебѣ привлекать или отвращать отъ другихъ, нравиться тебѣ или огорчать, то взаимнымъ образомъ будешь и другихъ къ тебѣ привлекать или отвращать, нра-

випься или огорчашь. Если по внимательномъ наблюдени примѣшишь ты всѣ дѣйствія своего ума, свойство своихъ спрасей, и различныя причины движущія своею волею; то можешь удобно познать и весь человѣческій родъ. На примѣръ: если ты считаешь за обиду, когда кто другой дастъ тебѣ возчувствовашь свое превосходство, а свое недоепаточество въ знаніяхъ, дарованіяхъ, въ достоинствѣ или богатствѣ, то безъсомнѣнія и ты весьма стараешься будешь не показывать своего превосходства, хотя бы ты его въ самомъ дѣлѣ имѣлъ, наипаче предъ такимъ человѣкомъ оупъ коего ты желаешь заслужить благоволеніе или доброе слово, пользу, почтеніе или дружество. Если непріятныя внушенія, коварныя насмѣшки или многократныя прошивурбчія тебя огорчаютъ, и на гнѣвъ подвигаютъ, то захочешь ли ты употреблять оныя въ такихъ мѣстахъ и случаяхъ, гдѣ желаешь нравиться и снискать другихъ къ себѣ привязанность? Безъ сомнѣнія ты того не захочешь, и я увѣренъ, что ты желаешь нравиться во всѣхъ мѣстахъ. — Непохвальная склон-

Носить къ острымъ и колкимъ словамъ и коварное одобрение, съ которыми оныя слова обыкновенно приемлются, болѣе нежели другія мнѣ извѣстныя дѣла, приобрѣтали непріятелей шѣмъ, кои думали посредствомъ оспрыхъ словъ въ бесѣдахъ показаться: но болѣе еще шѣмъ, кои думая, что могутъ остро шутить, неудачно въ томъ поступали. Если кто будетъ говорить такія рѣчи на твоей щепѣ, (какъ-то иногда случится можетъ), то разсуди порядочно о чувствованіяхъ огорченія, гнѣва и мщенія возбужденныхъ оными въ сердце твоемъ и помысли, прилично ли благо разумію, такимъ же способомъ возбудить въ другихъ равныя къ тебѣ чувствованія? Сущая глупость за шутку поперяшь пріятеля; но еще большая глупость за одно острое слово, изъ безпрістраснаго къ тебѣ чловѣка, учинить врага. Когда такія рѣчи скажутся на твоей щепѣ, то благо разумнѣйшее есть дѣло, не подавать вида, что ты считаешь ихъ до себя касающимися: но скрывать и ни малѣйшаго не показывать признака внутренняго твоего гнѣва. Если же будешь споль явны, что

уже ты не можешь притвориться въ невѣденіи ихъ, по смѣйся вмѣстѣ со всею бесѣдою надъ самимъ собою; признайся, что шушка оная прекрасна, и не показывай ни чего кромѣ пріятнаго вида; но не опмщевай за по равномѣрнымъ образомъ: ибо чрезъ то дашь знать, что ты почипаешь себя обиженнымъ и болѣе являешь надъ собою побѣду, которую бы ты могъ сокрыть. Когда сказанная вещь въ самомъ дѣлѣ обидна твоей чести, или клонится къ осужденію твоего нрава, по помни, что къ опмщенію того двѣ вещи суть необходимы для благороднаго человѣка, или чрезвычайное учтивство или *рѣшительная твердость*.

Ежели кто тебя съ намѣреніемъ обругаетъ или будетъ поносить, по срази его вдругъ; но если безъ намѣренія тебя обидитъ, по гораздо лучше ему опмстишь чрезмѣрною твоею учтивостію, хотя внутренно и спараешься что нибудь ему прошивное учинишь и опплатишь за его непріятное привѣтствіе, можетъ быть и съ лихвою. Сіе не можетъ почестъся ни въроломствомъ, ни коварствомъ: но если бы ты въ самое

то время являлъ обидѣвшему себя знаки почтенія и дружества, то сіе за коварство можешъ быть принято, чего я не только опнюдь не похваляю; но напрошивъ того ненавижу. Всѣ учтивости по общему смыслу не что иное суть, какъ сообразованіе поступковъ нашихъ съ обыкновеніями, для сохраненія спокойствія и добраго порядка въ обществѣ; пріятностей онаго не должно разрушатьъ часпными огорченіями и ревностію.

Словомъ, постанови въ поведеніи пвоемъ непремѣннымъ себѣ правиломъ: не подавай ни малаго знака гнѣва, если ты ему нѣкоторымъ образомъ удовлетворишь не можешь; на прошивъ того всегда старайся показывать тамъ пріятной видъ, гдѣ не можешь явно опмспить. Не было бы на свѣшѣ ни одного живаго человека, если бы не скрывали истинныхъ причинъ гнѣва, встрѣчающихся въ жизни нашей на всякой день. Кто не можешъ обладать своими страстями, тотъ пусть оставитъ свѣшѣ и удалится въ уединеніе, въ какуюнибудь необитаемую пустыню. Показывая безразсудной и безвременной гнѣвъ, даешь право гнѣваться на себя

пѣмъ, кои могутъ себя обидѣть, и коимъ ты ни чего худаго учинить не можешь, и подаешь имъ топъ самой случай, котораго они можетъ бытъ желали сами, для прерванія съ побою пріязни и для нанесенія себѣ обиды. Напротивъ того, кроткіе поступки принудятъ ихъ по крайней мѣрѣ не выходить изъ предѣловъ благоприспоспости, и пѣмъ обуздать или обнаружить ихъ злость. Сверхъ сего взмѣрчивость, тяжелой и сварливой нравъ, весьма противны благоприспоспости.

Хотя всѣ люди одинакимъ одарены сложеніемъ, однакожъ разныя принадлежности столь различно соразмѣрены въ каждомъ человекѣ, что нѣтъ двухъ совершенно другъ другу подобныхъ и нѣтъ ни одного, которой бы во всякое время равныя соблюдалъ свойства. Человекъ съ величайшими способностями дѣлаетъ иногда слабости; надмѣнный человекъ чинитъ подлѣйшія дѣла; честнѣйшій человекъ безчестныя, а злѣйшій иногда добрыя дѣла. Къ познанію качествъ человека, много споспѣшествуютъ господствующія въ немъ страсти; но пока не познаешь дѣй-

ствія меньшихъ его страстей и прихотей, но пѣхъ порѣ не можешь узнатьъ въ немъ важнѣйшихъ качествъ. Быть честнымъ человѣкомъ есть общее качество рода человѣческаго; не оспаривай сего, — въ противномъ случаѣ почтутъ тебя или завистливымъ, или злымъ: но при томъ и не довѣрай сей честности до такого степени, чтобъ положишь на нее свою жизнь, имѣнне или доброе твое имя. Можешь случиться, что такой честной человѣкъ будетъ твоимъ соперникомъ въ силѣ, прибыткѣ или въ любви, — прехъ спрашай, кои честность подвергаютъ часто опаснѣйшему искушенію, въ которомъ она не рѣдко съ нуши совращается. Сперва самъ въ себѣ разбери сего честнаго человѣка, и тогда будешь въ состояніи судить, сколь далеко довѣренности твоя къ нему простирается можешь.

Если ты хочешь снискать особую любовь и пріязнь нѣкошорыхъ людей изъ мужскаго или женскаго пола, то спарайся узнатьъ особенныя ихъ изыщества, если оныя въ нихъ есть, такъже господствующія въ нихъ слабости, коимъ

всякой подверженъ ; отдавай совершенную справедливость первымъ, при томъ послабляй и послѣднимъ. Много естъ различныхъ предметовъ, въ коихъ нѣкоторые особенно желаютъ превосходить другихъ и хотя любящъ слышать похвалы воздаемая истинному ихъ превосходству, однакоже болѣе льстящя похвалами въ томъ, чемъ желаютъ другихъ превосходить, но сумнѣваются. Кардиналъ Ришелье, безъ сомнѣнія величайшій Министръ своего времени, а можетъ быть и другихъ временъ, по смѣшному тщеславію желалъ прослыть такъже лучшимъ стихотворцемъ. Онъ завиствовалъ Корнелію спаршему въ его славу, и приказалъ написать кришину на его трагедію Сидъ. И такъ тѣ, кои хитро ему ласкали, мало говорили ему о его искусствѣ въ государственныхъ дѣлахъ или слегка только о томъ упоминали : но что бы больше приобрѣсти его къ себѣ благоволенія, то похвалами возносили его остроуму и стихотворческой духъ. По чему же, по тому что о превосходствѣ въ одномъ былъ онъ уже увѣренъ, о превосходствѣ же въ другомъ дѣлъ еще не довѣрялся.

Господспивующую въ челоѣкѣ спрасть весьма удобно познать можно по тому, о чемъ онѣ болѣе всего говоритъ: ибо каждой говоритъ о томъ, чемъ онѣ наиболѣе спарается податъ другимъ хорошія о себѣ мысли. Если распрогаешь его въ такомъ случаѣ, то знай, что распрогаешь весьма чувствительно.

Женщины вообще заняты однимъ предметомъ,—красотою, ради которой съ охотою приѣмлютъ онѣ всякія и самыя чрезвычайныя ласкательства. Природа, едвали въ свѣтѣ произвела столь безобразную женщину, которая бы не уважила ласкательствъ приносимыхъ ей наружности. Ежели лице ея споль опрашительно, что она нѣкоторымъ образомъ и сама должна то сознать, по крайней мѣрѣ ея видѣ и осанка по мнѣнію ея, недоспапки лица вознаграждаютъ. Если ея спанѣ обезображенъ, то она увѣрена, что красота лица ея оной недоспапокѣ замѣняетъ. Когда же и то и другое худо, то упѣшается по крайней мѣрѣ тѣмъ, что имѣетъ другія пріятности, нѣкоторую осанку, и такъ называемое нѣчто (*je ne sais quoi*), привлекательнѣйшее нежели самая красота.

Справедливость сихъ словъ видѣть можно изъ чрезвычайнаго раченія и разборчивости употребляемой безобразнѣйшими женщинами въ плащѣ и нарядахъ. Женщина не сумнѣвающаяся въ превосходствѣ красоты своей, менѣе всѣхъ чувствуетъ похвалы, которыми прелѣснѣе ея осыпающъ; она увѣрена, что такая похвала по всей справедливости ей принадлежитъ и потому мало ее прогаеетъ. Такой женщинѣ можно ласкаться въ разумѣ, которымъ хотя она и одарена, однакожъ всегда сумнѣвается, что люди не полную ей въ томъ отдающъ справедливость.

Не понимай словъ моихъ въ ложную сторону и не думай, чтобъ я одобрялъ подлое и поносное ласкательство. Никакъ не ласкай ни чьимъ порокамъ и злодѣянїямъ, на противъ того гнушайся ихъ и исквергай. Однакожъ нѣтъ ни единого человека въ свѣтѣ, который бы не ослаблялъ людскимъ слабостямъ и смѣшному, но невинному щеславію.— Если мужчина желаетъ, чтобъ почиали его умнѣйшимъ, а женщина красивѣйшею, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ, то заблужденіе ихъ утѣшительно

для ихъ самихъ, въ разсужденіи же другихъ невинно. Я бы желалъ лучше снискашь ихъ къ себѣ пріязнь чрезъ послабленіе, нежели учинишь себѣ врагами, обличая ихъ заблужденія безъ всякой нужды.

Вообще подозрѣвай тѣхъ, кои наружноспію являющъ, что привержены особенно къ какой нибудь добродѣтели; кои возвышающъ ее предъ прочими, и нѣкоторымъ образомъ старающъ въ другихъ вселить мысли, что они одарены ею исключительно. Подозрѣвай ихъ, говорю я, по тому что они вообще обманщики. Однако не будь такъже увѣренъ, что они всегда таковы; ибо мнѣ случалось иногда знать набожныхъ, кои подлинно вели свящую жизнь; опважныхъ, кои имѣли истинное мужество; охотниковъ говоришь нравоученія, имѣющихъ безпорочные нравы и жеманныхъ, кои истинно были цѣломудры. Старайся проникнуть во внутренность сердецъ ихъ столь далеко, сколько проницательность твоя тебѣ позволитъ: но никогда не суди о другомъ по общему объ немъ слуху, которой хотя вообще бываетъ справедливъ въ разсужденіи опдичишельнѣ.

шихъ качествъ ихъ нрава, однакожъ оказывается не справедливымъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Всегда остерегайся такихъ, кои по крапкомъ знакомствѣ, безъ всякихъ ошъ тебя заслугъ, добровольно предлагають тебѣ дружество и довѣренность; знай, что сіе для собственной своей пользы они чиняшъ, но по общему сему мнѣнію не отвергай ихъ грубымъ образомъ. Испышуй далѣе и смопри, не происходятъ ли сіи неожиданныя предложенія, ошъ пылкости или неразумія, не съ намѣренія ли, или съ какой нибудь хипрости: ибо плутовство и глупость часто имѣюшъ одинакіе признаки. Въ первомъ случаѣ нѣшъ ни какой опасности въ принятіи шаковыхъ предложеній, *valeant quantum valere possunt*. Въ противномъ же случаѣ принятіе ихъ полезно по тому, что можно тебѣ обратишь ударъ на того, кто оной на тебя возносишъ.

Если человекъ употребляетъ сильныя увѣренія и божбу для внушенія тебѣ такой вещи, которая столь явна и столь вѣроятна, что и одного слова для того довольно бы было, то будь увѣ-

ренъ, что онъ лжетъ, и находивъ великую себѣ въ томъ пользу, чтобы ты ему повѣрилъ; а безъ того не чинилъ бы онъ себѣ столько безпокойствъ.

Молодые люди весьма не воздержны въ своемъ дружествѣ, наипаче основанномъ на взаимныхъ утѣхахъ, которое часто имѣетъ худыя слѣдствія. Побуждаемы будучи пылкостью и неопытностью своего возраста, разгорячась увеселеніями, а болѣе еще можетъ быть виномъ, обязуются, и въ самомъ дѣлѣ въ то время надѣются обязаться вѣчнымъ другъ къ другу дружествомъ, и безъ всякой осторожности изливаютъ одинъ другому сокровеннѣйшія чувствованія своей души. Но послѣ столь же не осторожно разрушаютъ сію взаимную довѣренность, сколь неосторожно ее учинили: ибо новыя утѣхи и новыя мѣста разрываютъ сей слабый союзъ, и тогда то она неосторожная довѣренность во зло употребляется. Въ обществѣ молодыхъ людей яви свои дарованія и превзойди, если можешь, другихъ во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ и забавахъ, свойственныхъ юношеству. Повѣрай другимъ забавныя и бездѣльныя

твои произшествія, но важныя намѣренія твои храни въ тайнѣ. Повѣрь ихъ испытанному твоему другу, болѣе опытному нежели ты, и которой будучи въ различномъ съ тобою состояніи не можешь учиниться тебѣ соперникомъ. Я не совѣтую тебѣ полагаться на ирреспонсивную добродѣтель рода человеческого; не надѣйся и не думай, чтобъ твой товарищъ всегда былъ твоимъ другомъ въ разсужденіи предмета, къ которому вы обое спремитесь.

Притворное невѣденіе есть весьма нужная часть познанія свѣта. На примѣръ: весьма благоприспойно казаться незнающимъ о такихъ вещахъ, о коихъ тебѣ хотятъ говорить; и когда кто тебѣ скажетъ: слышали ли вы о такой то вещи? отвѣтсвуй, что не слышалъ и позволь ему продолжати свое повѣствованіе, хотя ты давно уже то знаешь. Нѣкоторые находящъ удовольствіе въ повѣствованіи онаго, думая, что они могутъ пріятно разсказывать; другіе надѣются тѣмъ похвалиться, что они скорѣе другихъ могли что нибудь узнать; иные же по тщеславію своему хотятъ показати, что они заслужили

опъ другихъ довѣренность. Всѣ тако-
вые безъ сомнѣнія обмануся въ своей на-
деждѣ и слѣдовательно огорчашся, если
ты скажешь имъ, что ты уже слышалъ
о чемъ они хотѣли тебѣ рассказывать.—
Пришворяйся всегда невѣдущимъ, (исклю-
чая только искреннѣйшаго своего дру-
га) если гдѣ касается до хулы и без-
славія другихъ, хотя ты весьма много
уже и до того слышалъ: ибо оскорблен-
ная сторона почтетъ приемлющаго ху-
леніе, равнымъ хулителю, такъ какъ
украденныя вещи принимающаго почи-
таютъ равнымъ самому вору. Когда же
о такихъ вещахъ будешь всѣ говорить,
то старайся показывать, что ты су-
миѣваешься, хотя совершенно тому вѣ-
ришь, и всегда старайся оное умен-
шать.— Должно сіе прищворное невѣде-
ніе наипаче показывать при обстоятель-
ныхъ и подробныхъ частныхъ повѣсп-
вованіяхъ, оно почестся можетъ спо-
собомъ къ узнанію оныхъ: ибо боль-
шая часть людей тщеславяся показа-
ніемъ своего предъ другими превосход-
ства, хотя на минушу и въ самыхъ без-
дѣльныхъ вещахъ, скажутъ тебѣ скорѣе
то, чего имъ не слѣдуетъ говорить, не-

жели по, о чемъ ты еще не знаешь. Сверхъ того прищворное сіе незнаніе вселишь въ другихъ мысли, что ты къ такимъ вещамъ не внимателенъ и по тому ни какихъ не имѣешь худыхъ намѣреній. Однакожъ лови нужныя для тебя произшествія, и старайся увѣдашь о нихъ съ разсужденіемъ, а не въ видѣ настоящихъ вопросовъ, чемъ заспавишь другихъ осперегашься; а если часто повторять станешь, то наскучишь. Иногда показывай, будто вѣришь такимъ вещамъ, о коихъ ты знаешь желаетъ, при чемъ кто нибудь ласковымъ и услужливымъ образомъ скажетъ тебѣ настоящую правду. Иногда говори что ты такъ и такъ слышалъ; а иногда показывай, что болѣе знаешь нежели въ самомъ дѣлѣ, дабы узнать то, что тебѣ надобно; но избѣгай какъ можно прямо выпрашивать.

Человѣческая природа одинакова во всемъ свѣтѣ: но дѣйствія ея споль преобладаемы воспитаніемъ и навыками, что тотъ, кто хочетъ обстоятельно ее познать, долженъ разсмотрѣть ее подъ всѣми видами. Напримѣръ: честолюбіе бываетъ равномерно въ придвор-

номъ, военномъ и духовномъ человѣкѣ; но по причинѣ различнаго ихъ воспитанія и навыковъ употребляютъ они различные способы къ его удовольствованію. Учтивство или склонность угождать, или обязывать другихъ, есть одинаково во всѣхъ странахъ: но такъ называемая вѣжливость или способъ исполнять оную склонность, различенъ по всѣмъ странамъ и можетъ почестъся свойственнымъ всякому мѣсту; а по тому разсудительный человѣкъ подражаетъ и сообразуется правиламъ вѣжливости свойственнымъ тому мѣсту, въ коемъ онъ находится. — Сообразование и преклоненіе нашихъ нравовъ необходимо нужны въ свѣтскомъ житіи; но въ такихъ только случаяхъ, кои сами по себѣ не худы. Мягкой и гибкой нравъ есть полезнѣе всего. Онъ можетъ обращаться отъ одного предмета къ другому, пріемля на себя образъ свойственный каждому. Съ важнымъ человѣкомъ можетъ онъ быть сановитымъ, пріятнымъ съ весельчакомъ, вѣтреннымъ съ легкомысленнымъ человѣкомъ.

По истиннѣ ни что столь не привлекаетъ, какъ свободное и пріятное со-

Образованіе поступковъ своихъ нравамъ, навыкамъ и даже слабостямъ другихъ. Молодой человекъ долженъ сообразоваться всему. Во всѣхъ добрыхъ случаяхъ долженъ онъ быть такимъ, какимъ былъ Алкивиадъ въ худыхъ. — Долженъ быть Протеемъ принимающимъ удобно и сохраняющимъ съ пріятностію всякой видъ. Жаръ, хладнокровіе, роскошь, воздержаніе, важность, веселость, обряды, вольность, ученіе, бездѣлицы, дѣла и увеселенія сущь виды, кои онъ долженъ имѣть способность принимая, оставяя, или по случаю перемѣнять съ такою же вольностію, съ какою онъ беретъ и кладетъ свою шляпу.

Молодые люди думаютъ, что всякое дѣло производитъ должно съ жаромъ и усиленіемъ; что пихость есть подлость, а уклончивое снисхожденіе почитаютъ обыкновеннымъ убѣжищемъ малодушія и слабости. Сіе ложное мнѣніе отъвѣмлетъ отъ нрава ихъ нѣжность и мягкость, а вселяетъ буйность и грубость. Глупые, кои безпрестанно попадаются въ обманы, сохраняютъ въ поступкахъ своихъ оныя недоспапки на всю свою жизнь; но разсудительнаго человека,

нѣкоторыя опыты и размышленіе принуждаютъ скоро ихъ покидать. Когда они лучше познаютъ самихъ себя и другихъ, то найдутъ, что здравой разсудокъ въ десяти случаяхъ, девять разъ долженъ слѣдовать превозмогающей его власти сердца и спрасей; слѣдовательно девять разъ имѣютъ они дѣло съ побѣдителемъ, а не съ побѣжденнымъ: но съ побѣдителями какъ тебѣ извѣстно, должно обходиться весьма учтивымъ, привлекательнымъ и вкрадчивымъ образомъ.

По несчастію молодые люди всегда почишаютъ себя довольно умными, такъ какъ пьяные думаютъ, что они еще довольно презвы. Оспропу предпочитаютъ они опытности, которую называютъ холодностію. — Однакожъ они не совсемъ обманываются; ибо хотя оспропа безъ опытности опасна, однакожъ и опытность безъ оспропы вяла и недостаточна. Соединеніе сихъ обоихъ свойствъ, хотя рѣдко случающееся, почтется можетъ совершенствомъ. Сынъ мой! ты можешь ихъ соединить, если тебѣ угодно: ибо я всю опытность мою представляю къ твоимъ услугамъ, но

въ вознагражденіе за то, не требую ни единой капли твоей оспромы. — Упошребляй оба сіи свойства въ свою пользу, и да ободряють онѣ взаимно другъ друга. Здѣсь подѣ юношескою оспромою разумѣю я живость юношей и надѣяніе на свои силы, препятствующія имѣ видѣть трудности или опасности какого либо предпріятія; но не полагаю я подѣ симѣ названіемѣ того, что глупые простолюдны называютъ бойкостію, которая побуждаетъ ихъ поступать плутовски, защищать свое званіе, подозрѣвать, чтобы кто не унижилъ ихъ чести и чинить дерзкіе отвѣты, при маловажныхъ случаяхъ. Сіе естъ зло, или злый духъ, которой изгонять должно, *да изыдетъ и увидетъ во стадо свиное.*

Въ заключеніе всего скажѣ: ни когда не презирай старыхъ твоихъ пріятелей ради новыхъ или болѣе знапныхъ, что будетъ весьма неблагородно съ твоей стороны, и такое упущеніе ни когда отъ нихъ не простишя. Старайся какъ можно приобрѣсти болѣе личныхъ пріятелей а менѣе непріятелей. Подѣ именемъ пріятелей разумѣю я не искреннихъ и

довѣренныхъ друзей, коихъ ни единый человекъ во все печеніе своей жизни не можетъ имѣть и шести; но разумію пріятелей въ общемъ смыслѣ сего слова: то есть, людей, которые бы говорили о тебѣ хорошо, и соответственно собственной своей пользѣ, желали тебѣ болѣе добра, нежели зла.

О Л Ж И.

Нѣтъ ни чего столь поноснаго, подлаго и смѣшнаго, какъ ложь. Она есть произведеніе злоспій, коварства, или тщеславія: ни когда однакожь не достигаетъ своей цѣли ни въ какомъ изъ сихъ случаевъ, ибо ложь всегда поздно или рано обнаруживается. Ежели посредствомъ злобной лжи оскорбимъ мы чью нибудь честь, или доброе имя, то по справедливости обидимъ его на краткое время; но на послѣдокъ мы же оиъ того болѣе потерпимъ; ибо коль скоро о томъ узнающъ, то хула обратится на собственную нашу главу, и все то, что бы мы ни сказали послѣ къ оужденію такого человека, хотя справедливое, почтется клеветою. Двусмы-

сленностію, и различными увертками для прикрытія лжи чшобъ шбмъ изббгнушь стыда, показывается какъ наша боязнь такъ и самая ложь обнаруживается. Сіе служитъ не столько къ уменьшенію, сколько къ увеличенію стыда нашего; шбмъ являемъ мы низкосшь и подлосшь и должны надбяться, что сб нами поступать будутъ другіе какъ сб подлыми людьми. Если по несчастію нашему учинимъ какую нибудь ошибку, то благороднбйшее дбло признаться вб ней опкровенно; сіе есть единственное средство къ поправленію ея и къ снисканію прощенія. Для изббжанія настоящей опасности употребляшь двусмысленныя слова, увертки или хитрыя замашки, есть презрительное дбло, знакъ великой боязни, и исполняющій оное заслуживаетъ всякое наказаніе.

Есть такъже люди подверженные другому роду лжи, которой почитаютъ они невиннымъ и которой вб нбкоторомъ смыслб вб самомъ дблб невиненъ по тому, что ни кому кромб ихъ самихъ не вредитъ. Сей родъ лжи есть произведеніе щеславія на глупости основаннаго. Онъ состоитъ вб томъ, что лю-

ди разныя чудныя дѣла себѣ приписываютъ; увѣряютъ, что видали такія вещи, коихъ въ самомъ дѣлѣ ни когда не бывало; что видали вещи, какихъ въ самомъ дѣлѣ ни когда не видывали, хотя оныя и есть, по тому что почищаются зрѣнія достойными. Если чтонибудь достойное примѣчанія учинено, или сказано было въ какомънибудь мѣстѣ, или въ какой бесѣдѣ, то увѣряютъ, что они то сами слышали или видѣли. — Далѣе, что дѣлали такія дѣла, на кои другіе отважиться не смѣли, или не могли исполнить. Всегда поставляютъ себя героями въ собственныхъ своихъ повѣствованіяхъ и думаютъ снискать тѣмъ себѣ уваженіе на то только время. Напротивъ того по всей справедливости навлекаютъ только осмѣяніе, презрѣніе и при томъ нѣкоторую недовѣренность; ибо всякъ не безъ основанія заключитъ, что тотъ кто лжетъ ради щеславія, не усумнится солгать болѣе для прибытка. Если бы я увидѣлъ чтонибудь чрезвычайное, которое почти невѣроятнымъ кажется, то бы я о томъ лучше умолчалъ, нежели захотѣлъ другому подать хоть на минушу сумнѣніе,

о неложности моего сказанія. Извѣстно, что не столь важно для женщины сохранить цѣломудріе, сколь для мужчины почтяться вѣрностію dospoйнымъ. По справедливости женщинѣ возможно быть добродѣтельною, хотя она не весьма цѣломудренна; но мужчинѣ безъ строгой справедливости, не можно быть добродѣтельною. Пороки въ бѣдныхъ женщинахъ сѹть по большей части тѣлесныя слабости; но ложь въ мужчинѣ есть порокъ разума и сердца.

Ни что, кромѣ справедливости, не можетъ въ свѣтѣ сохранить нашей совѣсти и чести невредимыми. Въ томъ состоитъ не только наша должность но и польза; въ доказательство сему служитъ примѣчаніе, что глупѣйшіе люди бывають крайніе лгуны. Безопасно судить мы можемъ о справедливости человека, по силѣ его разума.

О САНОВИТОСТИ ВЪ ПО- СТУПКАХЪ.

Нѣкошорая сановитость въ обра-
щеніи необходимо нужна для доставле-
нія почтенія и уваженія наилучшимъ
качествамъ въ челоѡкѡ.

Неприсстойное скаканіе, бѣганіе,
частой и громкой смѣхъ, шушки и без-
разсудно вольное обхожденіе, навлекающъ
презрѣніе людемъ съ достоинствами и
со знаніями. Таковыя свойства приличны
весельчаку, а весельчакъ не можетъ по-
честься достопочтеннымъ челоѡкомъ.
Неосторожное и чрезмѣру вольное об-
хожденіе оскорбляешъ вышшихъ, заста-
вляетъ тебя болѣе еще отъ нихъ зави-
сѣть и угождать имъ съ подлостію; а под-
чиненнымъ твоимъ подаетъ справедли-
выя, но при томъ безпокойныя и не
подлежащія права равенства. Очень шу-
пливый челоѡкъ, малымъ разнсвуетъ
отъ шуша, и свойства обоихъ такихъ
челоѡковъ ни малаго къ остроумію оп-
ношенія не имѡютъ. Если кого нибудь
хорошо принимающъ или желаютъ имѣть
въ бесѣдѣ, не по его достоинству и по-
ступкамъ, но по какой нибудь другой

причинѣ, по его ни мало въ оной не почитаютъ; а только принимаютъ за тѣмъ, чтобы къ тому намѣренію употребить. Нѣкоторыхъ желаемъ мы имѣть у себя за тѣмъ, что они хорошо поютъ; иныхъ призываемъ на балъ за тѣмъ, что хорошо танцуютъ; приглашаемъ другихъ къ ужину за тѣмъ, что они весьма шупливы и веселы; иныхъ просимъ къ себѣ по тому, что они славные игроки или много могутъ пить. Однакожъ таковыя свойства сущь подлыя отличія, поносныя преимущества кои ни почтенія, ни уваженія не заслуживаютъ. Если кого желаютъ имѣть въ бесѣдѣ ради какого нибудь токмо его свойства, то ни за чемъ инымъ въ оную его уже не позовутъ, и слѣдовательно ни какого почтенія не будутъ оказывать, каковы бы впрочемъ его достоинства ни были.

Сановитость въ поступкахъ не только отличаетъ отъ высокомерія, какъ истинная храбрость отъ зазорной смѣлости, или истинное остроуміе отъ шутовства; но и совершенно не можетъ съ онымъ вмѣстѣ быть: ибо ни что столь не унижаетъ человека какъ вы-

сокомѣріе. Надмѣнность высокоомѣрнаго челоуѣка гораздо чаще сопровождается осмѣніемъ и презрѣніемъ, нежели негодованіемъ, — подобно тому, какъ купцу за товары свои много просящему даемъ нарочно весьма малую цѣну; на прошивъ того не шоргуемъ много съ такимъ, которой объявляетъ насюущую и умѣренную цѣну.

Подлое ласкательство и безразсудное пошаканіе снюль же много унижаютъ челоуѣка, снюль неосторожное противурѣчіе и шумной споръ въ отвращеніе приводятъ.

Просюнародныя и низкія изреченія, неприсюйные поступки и приемы весьма унижншельны, по тому что они бывающъ знакомъ или весьма ограниченнаго ума, или низкаго воспитанія и обращенія.

Легкомысленное любопытство въ бездѣльныхъ вещахъ, и щательное вниманіе къ малозначущимъ предметамъ незаслуживающимъ вниманія ни на мншю, весьма унижаютъ челоуѣка, которой по тому, не безъ справедливости, почиается неспособнымъ къ важнѣйшимъ дѣламъ. Кардиналъ де Рецъ весь-

ма скоро позналъ слабоуміе Кардинала Шиги по одному только случаю, когда сей говорилъ, что писалъ однимъ перомъ цѣлые три года, и что оно еще и въ то время не испортилось.

Нѣкоторая степень внѣшней сановитости во взорахъ и поступкахъ придаетъ достоинство, не унижая ни мало остроумія и благопристойной ласковости, кои въ себѣ сановитость заключаютъ. Безпрестанной смѣхъ и въпренная поворотливость, суть явные признаки легкомыслія. Кто суешился, тотъ показываетъ тѣмъ, что начатое имъ дѣло не по его силамъ. Поспѣшность и поропливость суть весьма различныя вещи, какъ уже выше сего сказано.

Человѣкъ, которой терпѣливо сноситъ опъ другихъ побои, столько же имѣетъ храбрости, сколь человѣкъ, всякими пороками и злодѣяніями искаженный, имѣетъ какого нибудь рода достоинства. Внѣшняя благопристойность и сановитость въ поступкахъ весьма много всякому человѣку препятствуетъ унижаться, чтобы безъ того съ нимъ вослѣдовать могло. Благопристойность хотя бы по одному только при-

творству исполняема была, однако всегда имѣетъ такія же слѣдствія.

ТИХОСТЬ ВЪ ПОСТУП- КАХЪ СОЕДИНЯТЬ ДОЛ- ЖНО СЪ ТВЕРДОСТІЮ ДУХА.

Нѣтъ правила столь общественнаго и столь нужнаго во всѣхъ случаяхъ жизни, какъ соединять благородство въ поступкахъ съ твердостію духа. Первое свойство превратится въ низкое и боязливое снисхожденіе и челоукоугодіе, если не будетъ поддерживаемо и охраняемо послѣднимъ: но и послѣднее превратилось бы въ буйность и наглость, еслибы не было умѣряемо и смягчаемо первымъ; не взирая на сіе рѣдко свойства сіи въ одномъ челоукѣ соединены бывають. Челоукъ горячаго и пылкаго сложенія, неукротимымъ духомъ одаренный, презираетъ первое свойство, и думаетъ до всего достигнуть послѣднимъ. Можетъ быть по какимъ нибудь чрезвычайнымъ приключеніямъ онъ иногда и получитъ успѣхъ, когда дѣло имѣетъ со слабыми и боязливыми людъ.

ми; но обыкновенное свойствѣ его дѣйствіе бываетъ такое, что онѣ обижаютъ, огорчаютъ, приходятъ въ ненависть и лишается успѣха. На противъ того хитрой и пронырливой человѣкъ надѣется достигнуть всѣхъ своихъ намѣреній одною тихостію въ поступкахъ. Онѣ принаровляется ко свойствамъ людскимъ; кажется что не имѣя собственныхъ своихъ мнѣній, рабски приемлетъ настоящее мнѣніе съ нимъ тогда находящагося человѣка, спарается только приобрести почтеніе глупыхъ; но лишь только свойство его явнымъ учинится, то приобретаешь презрѣніе каждаго. Умный же человѣкъ (весьма оплачивающійся отъ лукаваго и буйнаго) соединяетъ тихость въ обхожденіи съ твердостію духа.

Пользы происходящія отъ соединенія сихъ свойствъ суть удивительны и противны другъ другу. На примѣръ: если ты имѣешь власть и можешь повелѣвать, то повелѣніе твое отданное съ тихостію и скромностію исполнено будетъ добровольно, охотно и слѣдовательно съ добрымъ повиновеніемъ; на противъ того, если со строгимъ видомъ

дано будетъ, то болѣе будетъ объ немъ судишь, нежели исполняшь. Ибо здоровое разсужденіе показываешь, что гдѣ имѣешь право повелѣвать, тамъ повинovenіе себѣ найдешь; но въ самое то время, кротость въ поступкахъ придавъ большую силу сему повинovenію, учинишь оное пріятнымъ и всевозможнымъ образомъ умягчишь въ повинующемся огорчительное чувствованіе подчиненности.

Если ты намѣренъ искать какой нибудь милости, или просить того, что тебѣ слѣдуетъ, то долженъ чинить себѣ кротостію. Въ противномъ случаѣ, тѣ кои намѣрены отказать тебѣ въ прошеніи, большій къ тому возвѣмѣютъ поводъ, дабы отмстить за твою при прошеніи грубость; сверхъ того твердымъ настояніемъ и благоприсойною скромностію показать ты долженъ твердость и рѣшительность. Настоящія причины дѣлъ человѣческихъ рѣдко бываютъ истинны, наипаче у людей высокаго состоянія, кои часто по докучливости и боязни то дѣлаютъ, въ чемъ не желали бы отказать такимъ, кои по всей справедливости и по достоинству имѣютъ

на то право. Кротостію и смиреніемъ привлеки ихъ сердца если можешъ, по крайней мѣрѣ не подавай причины къ оскорбленію; но при томъ спарайся показать сполько рѣшительности и твердости духа, чтобы поколебать ихъ склонность къ спокойствію; вселишь нѣкоторое опасеніе и чрезъ сіе получишь то, чего бы они по побужденію справедливости или добродушія не захотѣли учинить.—Сердце высокихъ людей спольже ожесточено къ чувствованію нуждъ и несчастій человѣческихъ, какъ у врачей къ сочувствованію тѣлесныхъ немощей; по всякой день они видяшъ оныхъ множество, какъ справедливыхъ такъ и ложныхъ, и незнаюшъ различить первыхъ отъ послѣднихъ. И такъ должно прибѣгать не къ единому ихъ правосудію и человѣколюбію: но и къ другимъ чувствованіямъ; — ихъ милость должно снискивать пріятностями; любовь ихъ къ покою разрушаетъ неушомимою докучливостію и возбуждаетъ въ нихъ опасеніе благопрістойнымъ внушеніемъ неукрощимаго и непоколебимаго гнѣва. Сіе правило есть единственный способъ къ приобрѣтенію любви безъ презрѣнія, и

ко вселенію въ другихъ страха, безъ не-
 нависши. Оно составляетъ достоинство
 качествъ, котораго каждой разумной
 человѣкъ достигать долженъ.

Въ заключеніе вышеписаннаго ска-
 жу, что если ты ощущаешь въ себѣ
 пылкость нрава, которая противу вся-
 каго чаянія побуждаетъ тебя къ не-
 оспорожнымъ шуткамъ или грубымъ вы-
 раженіямъ, съ твоими начальниками, рав-
 ными, или подчиненными, то имѣй чрез-
 вычайную противу того осторожность,
 обуздавай себя рачительно и призови прі-
 ятели въ твою помощь. При первомъ
 побужденіи пылкой твоей спраси мол-
 чи по тѣхъ поръ, пока не смягчишь я; и
 самую наружность твою такъ располо-
 жись спарайся, чтобы внутреннихъ дви-
 женій сердца твоего не можно было при-
 мѣшишь. При опправленіи важныхъ дѣлъ
 бывающъ несказанныя опъ сего поль-
 зы, — Но при томъ не показывай ни сн-
 схожденія, ни шихости въ нравъ, ниже
 слабаго желанія угождать — чтобы ни
 ласковыя слова, ни учтивства, ни ла-
 скапельства не побуждали тебя опспу-
 пишь ни на пядь опъ тѣхъ намѣреній,
 кои чинишь тебѣ расудокъ и благора-

зуміе повелѣвають. Не оставляй своего предпріяшя; съ твердостію насшой и найдешъ, что большая часть вещей до коихъ мы добиваемся,) сущь возможны. Уступчивая и боязливая скромность всегда принуждена бываетъ претерѣвать обиды и оскорбленія отъ несправедливыхъ и нечъ свшительныхъ: но скромность сопровождаемая твердостію и рѣшительностію, всегда бываетъ почипаема и увѣнчеваема успѣхомъ.

Въ дружествѣ своемъ и союзахъ, такъже и во враждахъ правило сіе особливо полезно. Твердость своего духа, да сохраняешъ и привлекаешъ къ себѣ любовь другихъ: но при томъ поступки свои да препяпствуютъ врагамъ твоихъ друзей учиниться твоими. Непрїатели свои да обезоружашся кропостію твоихъ поступковъ; но при томъ да возчувствуюшъ непоколебимость своего гнѣва: ибо великое естъ различіе между слабымъ и рѣшительнымъ защищеніемъ себя; первое естъ знакъ малодушія, послѣднее же всегда основано на благоразуміи и справедливости.

Нѣкоторые не могутъ обращаться вольно и учтиво съ тѣми, коихъ почи-

тають себѣ совмѣстниками или про-
тивниками, но безъ сихъ случайныхъ
обстоятельствъ они любили бы ихъ
и почитали. Находясь съ такими людь-
ми въ бесѣдѣ, показываютъ они въ раз-
сужденіи ихъ свое опасеніе и другія не-
приспосовности; ищущъ случаевъ къ ока-
занію сихъ чувствованій, и такимъ об-
разомъ изъ временныхъ и случайныхъ
противниковъ дѣлають ихъ себѣ врага-
ми. Сіе показываетъ великое малодушіе и
споль же вредно, какъ и при осправлен-
ніи дѣлъ безвременное негодованіе. Важ-
ное дѣло всегда будетъ имѣть желаемый
успѣхъ, если произведеніе его руковод-
ствуется здравымъ разсудкомъ и истин-
нымъ благоразуміемъ. Въ таковыхъ слу-
чаяхъ гораздо лучше бытъ учившу, об-
рацашься вольно и безъ всякаго прину-
жденія съ такимъ человекомъ, коего на-
званіемъ вопреки дѣйствуемъ: сіе обык-
новенно называется великодушіемъ; но
по справедливости назваться можетъ
здравымъ разсужденіемъ и благоразумі-
емъ. Способъ въ исполненіи какого ни-
будь дѣла, споль же бываетъ важенъ
какъ и самое дѣло, а иногда еще и важ-
нѣе. Благопріяшностію можемъ иногда

снискашь себѣ врага, а обидою иногда друга, смотря по различію способовъ въ произведеніи того употребляемыхъ. На конецъ, крепость въ поступкахъ соединенная съ твердостью духа, есть краткое, но полное описаніе человѣческаго совершенства въ разсужденіи свѣтскихъ должностей, закономъ и нравственнымъ ученіемъ предписываемыхъ.

О НРАВСТВЕННЫХЪ КАЧЕСТВАХЪ.

Нравственные качества чловѣка должны быть столь безпорочны, чтобы ни малѣйшаго на нихъ подозрѣнія не падало. Малѣйшее въ нихъ пятно или порокъ пагубенъ. Ни что столь не унижаетъ и не оуждаетъ чловѣка, какъ порокъ, по тому что онъ возбуждаетъ ненависть и презрѣніе. Есть однакожь такіе пагубные люди въ свѣтѣ, кои презирающъ всѣ понятія о нравственномъ добрѣ и злѣ; кои утверждаютъ, что они опносятся къ мѣсту и зависятъ совершенно отъ обычаевъ и нравовъ различныхъ странъ. Есть даже такіе развращен-

ки, кои проповѣдуютъ и распро-
 няютъ повсюду нелѣпыя и безчестныя
 познанія, но невѣрятъ онымъ сами. Убѣ-
 гай сколько можешь обращенія съ та-
 кими людьми, кои показываютъ нѣко-
 торой родъ недовѣрчивости и жулящъ
 шѣхъ людей, съ которыми обращаются.
 Но естли по какому нибудь случаю
 попадешь въ такую бесѣду, то остере-
 гайся, чтобъ по снисхожденію, по благо-
 приспойности или развеселившись ког-
 да, не похвалишь ниже приняшь столь
 безчестныхъ мнѣній. При томъ не ста-
 райся ихъ оспаривать и не вступаи въ
 порядочныя разсужденія о такихъ пред-
 метахъ, кои шого не стоятъ. вмѣ-
 сто всѣхъ разсужденій говори имъ, что
 они то въ шутку сказываютъ, что ты
 имѣешь лучшее о томъ мнѣніе, нежели
 какъ бы они желали и увѣренъ, что они
 не спанутъ сами исполнять распро-
 страняемаго ими мнѣнія: однакожь въ
 мысляхъ своихъ замѣшь ихъ и потомъ
 на всегда опасайся.

Нѣтъ ни чего сшоль нѣжнаго какъ
 нравственныя качества въ человекѣ,
 ошъ соблюденія чистоты ихъ великая
 произшекаетъ польза. Если оныя подо-

зрѣвать будущѣ въ несправедливости, злоспѣ, вѣроломствѣ, лжи и пр: то всѣ другія дарованія и знанія ни когда не приобрѣшутъ имъ ни почшенія, ни дружества, ни уваженія. И для того совѣшную сохраняють добрыя качества нрава со всевозможною оспорожностію, и величайшее стараніе прилагають, чтобы не сказать, или не учинить чего нибудь, что бы самымъ легкимъ образомъ могло ихъ опорочить. При всякомъ случаѣ показывай себя другомъ, но не присяжнымъ защитникомъ добродѣтели. Полковникъ Каршнерсъ (которой былъ извѣстный въ свѣтѣ плутъ и всевозможными злодѣяніями накопилъ себѣ величайшія богатства) чувствуя вредъ происходящій отъ злаго нрава, сказалъ нѣкогда: что хотя онъ не далъ бы ни полуенса за добродѣтель, однако за доброй нравъ заплашилъ бы десять фунтовъ стерлинговъ, но тому что посредствомъ онаго могъ бы приобрести сто тысячъ фунтовъ. И такъ возможноли, чтобы честный человекъ пренебрегъ то, что хитрый плутъ за столь драгоценное почитаетъ?

Изъ вышеупомянутыхъ пороковъ есть одинъ, коему люди добраго воспитанія и добраго нрава по ложнымъ понятіямъ искусства, проворства и своего защищенія подпадаютъ. Оный порокъ есть ложь, хотя всегда болѣе другихъ сопровождается безчестіемъ и потерею. Но уже выше сего далъ я мнѣніе мое о семъ предметѣ, и такъ спатью сію заключу прошеніемъ о прилаганіи величайшаго раченія къ сохраненію чистоты нравственныхъ качествъ, о храненіи ихъ отъ прикосновенія всякаго порока, зла или слабости, и тогда избѣгнешь всякаго подозрѣнія. Безчестіе и клевета не могутъ самъ дѣйствовать, гдѣ нѣтъ слабости, они увеличиваютъ только ихъ, а не выдумываютъ.

ПРОСТЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Ни когда неупотребляй и не одобряй простыхъ примѣчаній. Они суть обыкновенной предметъ оспряковъ, вольнодумцовъ (bel esprit) и глупцовъ. Тѣ кои истиннымъ одарены остроуміемъ имѣютъ крайнее къ таковымъ предметамъ отвращеніе и даже не хотятъ

осмѣивать глупыхъ рѣчей таковыхъ мнимыхъ оспроумцевъ о сихъ замѣчаніяхъ,

Вѣра есть любимѣйшій ихъ для злословія предметъ. Она, по мнѣнію ихъ есть обманъ священнослужителей, произведение ихъ пронырства, распространяемое духовенствомъ каждой вѣры, для приобретения власти и прибытка. Отъ сего нелѣпаго и ложнаго положенія произтекаютъ ихъ разговоры, нестерпимыя издѣвки и ругательства надъ духовенствомъ. Хотя бы въ семъ состояніи священникъ какой либо вѣры, публично или тайно невѣрилъ и былъ развращенъ; однакожъ по мнѣнію моему, сіи духовные весьма подобны другимъ людямъ, слѣдовательно нельзя быть ни лучшимъ, ни худшимъ для онаго состоянія. Но ежели между ими есть и отличные отъ другихъ въ разсужденіи вѣры, нравственности или по крайней мѣрѣ благоприспособности, то сіе происходитъ отъ ихъ воспитанія и рода жизни.

Другой простой и обыкновенной предметъ для мнимыхъ оспроумцевъ и безвкусныхъ ихъ шутокъ есть супружество. По мнѣнію ихъ, каждой человѣкъ живетъ со своею женою въ край-

ней ненависти, хопя вѣ обществѣ совершенно пому прошивное показываешѣ; что мужѣ безѣ сомнѣнія желаешѣ своей женѣ всякаго зла, а жена также проклинаешѣ своего мужа. На прошивѣ того я думаю, что люди по причинѣ брачныхъ обрядовѣ надѣ ними совершенныхъ, ни болѣе, ни менѣе женѣ своихъ не любяшѣ. Вѣ самомѣ дѣлѣ безпрестанное сожитіе производшѣ вѣ нихъ большую любовь или ненависть, смотря по взаимной ихъ другѣ ко другу приверженности: но сіе равномернымѣ образомъ случилось бы надѣ человекѣмъ и женщиною живущими вмѣстѣ и безѣ брачнаго сочетанія.

Есть также весьма старое и простое примѣчаніе, что Дворы суть жилища лжи и притворства. Сіе такѣ какѣ и другія общія примѣчанія есть нелѣпо. По справедливости ложь и притворство находятся при дворахъ: но гдѣ ихъ не можно обрѣсти? Сельскія хижины также не безѣ оныхъ, только съ худшими обыкновеніями. Два крестьянина живущіе вѣ сосѣдствѣ вѣ одной деревнѣ, употребляютѣ столько же хитростей, чтобы перебить другѣ друга

при продажѣ своихъ продуктовъ на рынокѣ, или съ обидою другога такъже старающагося заслужить милости своего Господина, какъ и двое придворныхъ старающагося наперерывѣ о снисканіи благоволенія своего Государя. Что бы стихотворцы ни писали о сельской невинности и справедливости, и о вѣроломствѣ Дворовъ, хотя бы глупые шому и вѣрили: однакожь сіе есть не оспоримая истина, — что паспухъ такой же человекъ какъ и Министръ; свойства и страсти у нихъ одинаки, только въ образѣ оныхъ есть различіе.

Сіи и многія другія обыкновенныя примѣчанія о народахъ и состояніяхъ (иногда шоль же ложныя сколь справедливыя) суть бѣдное прибѣжище людямъ не имѣющимъ ни остроумія ниже способности выдумывать, но старающихся блеснуть въ бесѣдѣ заемнымъ остроуміемъ. — Таковыхъ безстыдныхъ обезьянъ привожу я обыкновенно въ смущеніе, показывая весьма холодной видѣ, въ то время когда они ожидаютъ, что я смѣяпсья буду надъ ихъ шутками; или равнодушнымъ видомъ сказавъ: *хорошо и такъ?* какъ будто они ничего остра-

го не сказали и что я ожидаю еще впредь чегонибудь замысловагаго. Сіе приводитъ ихъ въ смущеніе, потому что не находятъ въ себѣ другаго къ разговору предмета, и однимъ только родомъ шутокъ забавляютъ всякаго. Разсудительный человекъ не прибѣгаетъ ни когда къ сему роду бездѣлицъ, и крайнее къ онымъ имѣетъ презрѣніе. Онъ находить въ иныхъ вещахъ довольно предметовъ для полезныхъ и забавныхъ разговоровъ; можетъ остроумно говорить безъ насмѣшекъ, или простыхъ примѣчаній, такъ же можетъ быть сновитъ не сидя въ безмолвіи.

О КРАСНОРѢЧІИ.

Краснорѣчіе или искусство говорить хорошо, полезно во всякомъ родѣ жизни и необходимо нужно въ большей части состояній. Человекъ не можетъ безъ онаго отличиться ни въ духовномъ, ни въ свѣтскомъ состояніи, ниже въ какомъ либо именитомъ собраніи; даже и въ обыкновенномъ разговорѣ, потѣ кто приобрѣлъ свободное и привычное краснорѣчіе, кто говоритъ чистю и яв-

ственно, великое преимущество имѣть будетъ предъ тѣми, кои говорятъ не хорошо и не чисто. Долгъ краснорѣчія есть увѣреніе, а стараніе нравиться есть первый шагъ къ увѣренію. Для чловѣка говорящаго въ общенародномъ мѣстѣ, весьма полезно понравиться своимъ слушателямъ, и вниманіе ихъ на себя обратишь; сего безъ помощи краснорѣчія ни какъ учинить не можно.

Извѣстно, что раченіемъ и прилѣжностію каждой чловѣкъ можетъ учиниться довольно изряднымъ Ораторомъ; ибо краснорѣчіе зависитъ ошъ примѣчанія и рачительности. Каждой чловѣкъ можетъ если ему угодно вмѣсто худыхъ словъ и рѣчей выбирать лучшія и говорить чисто; въ повѣствованіяхъ вмѣсто шемности и безпоняшія можетъ соблюсти ясность и ничего не упустишь; въ дѣйствіяхъ и поведеніи вмѣсто неблагоприспойности можетъ имѣть пріятности. — Однимъ словомъ, трудами и прилѣжаніемъ каждой чловѣкъ можетъ научиться говорить весьма пріятно, и въ сей способности коею превосходимъ мы еврей, достойно такъ же труда превосходитъ и другихъ людей.

Демосѣенъ почиталъ столь нужнымъ говорить хорошо, что хопя опъ природы былъ гугнивъ и шихой голосъ имѣлъ; однакожь прилѣжаніемъ вознамѣрился довершитъ сіи недостатки. Клавъ по часту небольшія камешки себѣ въ ротъ излѣчилъ онъ, наконецъ опъ своего заиканія и мало по малу укрѣпилъ свой голосъ, когда чрезъ довольно долгое время ежедневно говорилъ громко и раздѣльно. Въ вѣтренную и бурную погоду часто выходилъ онъ на берегъ морской, гдѣ говорилъ во весь голосъ, дабы тѣмъ приучитъ себя къ шуму и ропоту народныхъ собраній Аѳинейскихъ, въ коихъ должно было ему говорить. Симъ чрезвычайнымъ стараніемъ, внимательностію и безпрестаннымъ чтеніемъ лучшихъ писателей учинился онъ столь превосходнымъ Ораторомъ, что не только въ его вѣкъ, но и въ послѣдующія времена, даже въ другихъ странахъ подобнаго ему не бывало.

На какомъ бы кшо языкѣ ни говорилъ, долженъ онъ говорить онымъ чисто и по грамматическимъ правиламъ. Не довольно того чшобъ мы разумѣли не худо какой нибудь діалектъ, должно

еще стараться говорить онымъ исправно; въ семъ намѣреніи должно со вниманіемъ читать лучшихъ писателей и примѣчать, какъ благовоспитанные и большаго свѣта люди говорятъ. Вообще просвѣтые люди говорятъ худо; они употребляютъ не благоприсойныя и низкія изреченія, чего опмѣннѣйшіе люди ни когда не дѣлаютъ. Весьма часто соединяютъ они единственное число со множественнымъ, смѣшиваютъ мужеской родъ съ женскимъ и рѣдко употребляютъ надлежащія времена. Для избѣжанія сихъ погрѣшностей, должны мы вникать въ слогъ лучшихъ писателей, и примѣчать ихъ выраженія; не должны такъже пропускать ни единого слова, коего совершенно не разумѣемъ, не понимъ совершенно настоящаго его значенія.

Извѣстно, что отъ природы должно имѣть свойства, дабы быть стихотворцемъ, но каждой по произволению своему можетъ учиниться Орапоромъ: ибо чтобъ быть стихотворцемъ, на то требуется иѣкоторой родъ силы и живости разума; но для достиженія Ора-

порства довлѣютъ вниманіе, чпеніе и прилѣжаніе.

О ПЕДАНТСТВѢ.

Каждое превосходство и каждая добродѣтель имѣетъ свойственныя себѣ пороки или слабости, и если пресупитъ извѣстные предѣлы, то превратится совершенно въ оныя. Щедрость часто превращается въ расточительность, бережливость въ скупость, мужество въ наглость, осторожность въ боязливость. — Я думаю, что гораздо болѣе разсудка попребно для надлежащаго управленія добродѣтелями нашими, нежели для избѣжанія пропивныхъ имъ пороковъ. Порокъ самъ по себѣ столь безобразенъ, что при первомъ взглядѣ вселяетъ въ насъ отвращеніе, и едва бы когда могъ насъ обольстить, если бы не имѣлъ вида какой нибудь добродѣтели. Но добродѣтель сама по себѣ столь прекрасна, что при первомъ взглядѣ плѣняетъ. Если же далѣе познана будетъ, то привлекаетъ еще болѣе, и какъ въ другихъ красотахъ излишество почищаемъ мы непристой-

нымъ , такъ и въ семъ случаѣ разсѹ-
докъ необходимо нуженъ , для умѣренія
и направленія дѣйствій столь превос-
ходной вещи. Такимъ же образомъ и ве-
ликая ученость , естли не будетъ со-
провождаема здравымъ разсудкомъ , весь-
ма часто вовлекаетъ насъ въ заблужде-
нiя , гордость и педантизмъ .

Нѣкоторые ученые люди , надмѣва-
ясь своимъ просвѣщенiемъ , говорятъ обо
всемъ утвердительно и рѣшатъ , такъ
сказать все безъ апелляціи . Слѣдствiемъ
онаго бываетъ то , что люди огорчась
обидою , и угнѣтениемъ озлобленные во-
оружаются , и для сверженiя съ себя ти-
ранскаго ига прибѣгають къ законной
власти . Чемъ болѣе ты знаешь , тѣмъ
умѣреннѣе долженъ поступать ; скром-
ность есть надежнѣйшій путь къ удо-
влетворенiю своего тщеславiя . Даже и
въ такихъ случаяхъ гдѣ ты увѣренъ о
справедливости своего мнѣнiя , кажись
что нѣсколько сомнѣваешься . Предлагай
другимъ мнѣнiя свои , а не говори о нихъ
сѣрѣшительнымъ видомъ ; если хотя и
убѣдишь другихъ , то кажись , что те-
бя такъ же убѣдишь можно .

Иные для показанія своей учености, или часто по предувѣренію школьнаго воспитанія, всегда говорятъ о древнихъ, какъ о нѣкоихъ существахъ прѣвыше человѣчества, а о новѣйшихъ, такъ какъ о такихъ шваряхъ, кои ниже человѣка. Не ходятъ ни куда безъ какой нибудь классической книги а иногда и двухъ; пріемлютъ мысли древнихъ; ни какихъ новѣйшихъ сочиненій не читаютъ и стараются доказать, что въ печеніи послѣднихъ семи сотъ лѣтъ не учинено ни малѣйшаго приумноженія ни въ какой наукѣ или знаніи.—Ни мало не оуждаю я симъ знанія древнихъ сочиненій, но еще меньше желаю, чтобы ты хвалился своею къ нимъ приверженностію. Говори о новѣйшихъ безъ презрѣнія, а о древнихъ писателяхъ безъ обожанія; суди о всѣхъ ихъ, по ихъ достоинству а не по вѣкамъ въ кои они жили; и если случится тебѣ когда имѣть при себѣ какого нибудь классическаго писателя Елзевирова изданія, то ни когда не показывай его и даже со всѣмъ не упоминай о немъ.

Нѣкоторыя спрасныя любители (школьныхъ) учебныхъ книгъ, всѣ нра-

воученія какъ до общественной такъ и частной жизни касающіяся, почерпаютъ изъ подобныхъ случаевъ вспрѣчающихся въ древнихъ писателяхъ, не рассуждая о томъ, что отъ самаго сотворенія міра не бывало ни когда двухъ случаевъ одинъ другому подобныхъ. Такъ же что ни когда не бывало чтобъ какое нибудь происшествіе извѣстное въ исторіи случилось нынѣ со всѣми подобными обстоятельствоми; однакожь знаешь его должно за тѣмъ, чтобы быть въ состояніи о немъ рассуждать. Рассуждай о самомъ происшествіи и различныхъ случаяхъ съ онымъ сопряженныхъ, и поступай рассужденію сему соотвѣтственно. Не ссылайся на свидѣтельствова древнихъ стихопворцевъ или историковъ. Приемли въ рассужденіе свое, если тебѣ угодно такіе случаи, кои по видимому сходны; приемли ихъ не въ руководство, но въ помощь.

Есть еще другой родъ ученыхъ людей, кои хотя говорятъ съ меньшими доказательствоми и рѣшительностію, однакоже не менѣе наглы. Таковы суть хвастливые Педанты, кои разговоры свои даже съ женщинами украшаютъ

текстами изъ Латинскихъ и Греческихъ писателей, и кои представляющъ себя споль хорошо знающими Греческихъ и Римскихъ писателей, что называютъ ихъ нѣкоторыми именами или прозвѣщами, надѣясь тѣмъ вселишь высокія мысли о ихъ знаніи. Омира называютъ они *древнимъ*; Горація *хитрымъ плутомъ*; вмѣсто Виргилія говорятъ *Марронъ*; вмѣсто Овидія *Назонъ*. Сему послѣдуютъ часто глупцы кои совсѣмъ ничему не учились; но полько выучили наизусть нѣкоторыя имена или спишки изъ древнихъ писателей, которые они совсѣмъ не къ стани и нагло во всѣхъ бесѣдахъ говорятъ, надѣясь чрезъ то прослыть учеными. И такъ если хочешь избѣгнуть съ одной стороны Педанства, а съ другой стороны чшобъ не подозрѣвали тебя въ невѣжествѣ, то воздерживайся отъ ученаго хвастовства. Говори такимъ языкомъ, какимъ говорятъ въ той бесѣдѣ, въ которой ты находишься; говори онымъ чисто и съ другимъ не перебивай. Ни когда не кажись разумнѣйшимъ, ниже ученѣйшимъ тѣхъ людей съ коими въ бесѣдѣ находишься. Носи ученость свою, такъ какъ

часы въ особомъ карманѣ и не вынимай безъ всякой нужды за тѣмъ только, чтобы показать, что ты ее имѣешь. Если у тебя спросятъ которой часъ, то скажи; но не провозглашай о томъ ежеминутно, безъ всякаго о томъ спросу, подобно ночному караульщику.

О ЗАБАВАХЪ.

Многіе юноши предаются такимъ забавамъ, къ коимъ не имѣютъ ни малаго вкуса, а если и прилѣпляются къ нимъ, то по одному только названію. Они часто столь сильно обманываются, что почитаютъ распутство забавою.—Пьянство разрушающее тѣлесное здравіе и разспроивающее душевныя силы, можетъ ли почитаться забавою? — Игра, увлекающая человека въ тысячи безпокойствъ, повергающая его въ бѣдность и дающая видъ на вѣки буйнаго безумія, можетъ ли такъ же почитаться изящнымъ увеселеніемъ?

Упѣхи суть скалы, о которые разбивается большая часть молодыхъ людей. Они пускаются за оными на всѣхъ парусахъ: но безъ компаса для напра-

влѣнія ихъ плаванія, и безъ разсудка могущаго управляшь кораблемъ; и по тому вмѣсто удовольствія, огорченія и спыдъ суть слѣдствіе ихъ путешествія:

Предавшимся забавамъ челоѡкомъ въ общемъ смыслѣ сего слова почитаетъ я потъ; кто горькой пьяница, совершенный плутъ и лжець. Если сравнимъ настоящее наслажденіе умъхъ съ неизбежными оныхъ слѣдствіями, то тогда разсудокъ нашъ можетъ опредѣлять оныхъ выборъ.

Мы можемъ наслаждаться изящными яствами и виномъ, но избѣгать вреда отъ излишняго ихъ употребленія происходящаго. Можемъ позволять другимъ поступать по своей волѣ; не выговаривая явно и строго за ихъ излишества; но твердо вознамѣрится должны не разстроивать собственныхъ нашихъ способностей и телеснаго здравія въ угожденіе другихъ, кои себя не жалюшь. Играть можемъ мы для снисканія удовольствія, а не огорченій. Въ большихъ бесѣдахъ можемъ мы играть на бездѣлицы; для увеселенія и болѣе поному, чтобы сообразоваться обыкновениямъ. Въ добрыхъ бе-

сѣдахъ, не терпятъ пьяныхъ, такъ же не пріятно смотряшъ на того, кто деретъ на себѣ волосы и клянется, за тѣмъ что проигралъ болѣе нежели можетъ заплашить и ошвращающа отъ распутныхъ, изможденныхъ невоздержаніемъ и безчестнымъ житіемъ. Тѣ, кои оныя недоспапки имѣютъ, не составляютъ доброй бесѣды, а если когда и допускаются въ оную, то съ великимъ нехотѣніемъ. Человѣкъ слѣдующій изящнымъ обыкновеніямъ и утѣхамъ, наблюдаетъ всевозможную благоприсойность, по крайней мѣрѣ ни когда не пріемлетъ на себя вида пороковъ; а если по нещасію и случится ему какой нибудь имѣшъ, то удовлетворяетъ ему съ нѣжностію, изящнымъ и пайнымъ образомъ.

Такое же вниманіе должны мы имѣть при увеселеніяхъ какъ и при самомъ ученіи. — Въ ученіи должны примѣчать и разсуждать о всемъ томъ что читаемъ; а при увеселеніяхъ должны быть внимательны и оспорожны во всемъ что видимъ и слышимъ, и не должны ни когда говорить о дѣлахъ въ присутствіи нашемъ учинившихся по примѣру нѣкоторыхъ глупцовъ, что о нихъ не

помнимъ, по тому, что въ то время о другомъ думали. — За чемъ же о иномъ въ то время думаешь? за чемъ же туда и приходишь? гдѣ бы намъ бытъ ни случилось, то должны всегда имѣть глаза и уши съ собою. Должно выслушивать все то, что намъ ни говорятъ и примѣчать все что дѣлается; но только такъ, чтобъ не почли присмотрщикомъ: ибо люди примѣтя сіе насъ будущъ осперегатся.

Всѣ газардныя игры и такія увеселенія, въ коихъ ни разсудокъ, ни чувства не имѣютъ участія, доказываютъ легкомысленность и служатъ обыкновеннымъ прибѣжищемъ слабымъ умамъ, кои или не мыслятъ или не любятъ мыслишь. Но забавы благороднаго челоѣка, или услаждаютъ его чувства, или изоощряютъ его разумъ.

Есть свободныя и не свободныя удовольствія, какъ свободныя и не свободныя науки. — Мерзское пьянство, безразсудное обжорство, любленіе люшадей, полевая забавы; какъ то охота, бѣгъ на лошадахъ, почитающся гораздо ниже честныхъ и работныхъ ремеслъ поршняго и чебошаря.

Чѣмъ болѣе прилѣжимъ мы къ дѣламъ, тѣмъ лучше ощущаемъ наши увеселенія. Упреннее напряженіе разума нашего къ ученію подаетъ намъ вкусъ къ утѣхамъ по вечеру, такъ какъ шѣлесныя упражненія возбуждаютъ позывъ на бду. Дѣла и забавы въ настоящемъ смыслѣ взятыя взаимно другъ другу помогаютъ, и совсѣмъ одно другому не противны, какъ глупые о томъ думаютъ. — Не можно настоящимъ образомъ вкушать забавъ, если не предваримъ ихъ упражненіемъ въ дѣлахъ. Рѣдко тѣ исполняютъ хорошо важныя дѣла, кои кромѣ того ничего не дѣлаютъ. Но когда я говорю о забавахъ, то разумю о изящныхъ увеселеніяхъ разумомъ одаренныхъ шварей, а не о скопскихъ утѣхахъ развратныхъ людей.

О ПРѢДРАЗСУЖДЕНІЯХЪ.

Не полагайся слѣпо на то, что ты въ нѣкоторыхъ книгахъ читаешь, или слышишь въ бесѣдахъ тобою посѣщаемыхъ, не разсмотрѣвъ напередъ справедливо ли оно или нѣтъ; отъ сего принужденъ ты вдаваться будешь въ пред-

разсужденія, вмѣсто того чѣмъ послѣдовать разсудку, и вмѣсто извѣсканія истинны будешь слѣпо послѣдовать заблужденіямъ.

Содержи въ дѣятельности и въ безпрестанномъ употребленіи твоей разсудокъ; размышляй со испытаніемъ о всякой вещи и входи въ ея подробности, дабы бышь въ состояніи судить о ней здраво и зрѣло. Чтобы разсудокъ твой не полагался слѣпо на мнѣнія чужія, и тѣмъ въ поступкахъ чѣмъ не попускалъ тебѣ заблуждаться и въ обращеніи поставлять себѣ образцомъ другихъ. Будь бдителенъ, — если же въ юности сіе пренебрежешь, то возжелаешь такимъ учинишься когда уже поздно будетъ. Совѣщуйся по чаще съ собственнымъ твоимъ разсудкомъ. Не говорю я что онъ во всемъ можетъ бышь истиннымъ твоимъ руководителемъ. Ибо и разсудокъ человеческой часто заблуждаетъ; однакожь онъ можетъ бышь надежнѣйшимъ указателемъ. Книги и обращеніе оному помогутъ; но не послѣдуй всему слѣпо и безъ всякаго разбора. Разсматривай все посредствомъ разсудка; онъ есть правило данное намъ отъ Бога и дол-

женствующее служить намъ руковод-
ствомъ. — Изъ всѣхъ безпокойствъ не-
убѣгай безпокойства думать, такъ какъ
многіе то дѣлаютъ. Большая часть ро-
да человѣческаго едвали почестъся мо-
жетъ мыслящею. Понятія простаго на-
рода суть почти всѣ отъ другихъ за-
нятыя; правда гораздо полезнѣе, чѣмъ бы
оныя въ такомъ состояніи находились,
по тому что такія общія предразсу-
жденія, сколь бы онѣ ни были грубы и
нелѣпы, болѣе способствуютъ къ обще-
му порядку и спокойствію, нежели раз-
личныя умствованія и мудрованія.

Мѣстныя предразсужденія прием-
лются и содержатся только простыми
людьми, но ни малаго дѣйствія не имѣ-
ютъ надъ просвѣщенными, учеными и
разсудительными умами. Есть однакожь
стольже ложныя хопя не столь нелѣ-
пыя понятія, кои приемятся отъ лю-
дей превосходнѣйшаго и просвѣщеннѣй-
шаго ума, болѣе по тому что они не
хотятъ употребить нужнаго труда къ
ислѣдованію, надлежащаго вниманія къ
испытанію оныхъ и проницательности
могущей опредѣлить истинну. Таковыхъ
предразсужденій можешь ты избѣгнушь

безпрестанною рачительностію и вниманіемъ своего разсудка.

О В Ъ Р Ъ.

Заблужденіе и неразумѣніе во мнѣніяхъ сколь бы грубы ни были, если на честности основаны, заслуживаютъ сожалѣніе, но не наказаніе или осмѣяніе. О слѣпотѣ понятія столь же сожалѣть должно какъ и о слѣпотѣ глазъ. Не можетъ поставишься въ посмѣяніе или въ преступленіе человѣку, если онъ въ обоихъ случаяхъ потеряетъ правый путь. Любовь къ ближнему повелѣваетъ намъ спараться наставить его на путь истинный, доказательствами и утѣреніями; но даже любовь къ ближнему запрещаетъ намъ наказывать или посмѣиваться его несчастію. Каждой человѣкъ ищетъ истинны: но Богу извѣстно, обрѣлъ ли кто ее?—Противно справедливости гнать и сущая нелѣпость осмѣивать людей за опличныя ихъ мнѣнія, отъ коихъ по убѣжденію разсудка своего опстать они не могутъ. Виновеньшій кто распространяетъ или

исполняетъ ложь, а не томъ кто
честно и откровенно ей вѣришь,

О УПОТРЕБЛЕНІИ ВРЕ- МЕНИ.

Сколь мало помышляемъ мы о упо-
требленіи и драгоцѣнности времени! Всѣ
о томъ говорятъ, но никто не испол-
няетъ! каждой глупецъ препровождаю-
щій небрежно время свое въ бездѣлицахъ,
часто употребляетъ въ рѣчахъ какую
нибудь простую пословицу, означающую
драгоцѣнность и скоротечность време-
ни. По всей Европѣ на солнечныхъ ча-
сахъ дѣлаютъ въ разсужденіи сего над-
писи, такъ что ни кто не препровож-
даетъ своего времени, не слыша, или не
видя многократно сколь нужно употре-
блять оное во благо и сколь потеряніе
его не возвращено. — Молодые люди по-
чищаютъ, что еще много оспанится
у нихъ впредь времени, и что сколь бы
много бесполезно его ни шрапили, одна-
ко еще довольно онаго у нихъ оспанит-
ся; такъ великія богатства служатъ
для нѣкоторыхъ побужденіемъ къ раз-
зорительной расщочительности. Но всѣ

сіи увѣщанія бесполезны, если здравый разумъ къ исполненію ихъ не будетъ побуждать.

Время драгоцѣнно, а жизнь кратка, слѣдовательно не надобно терять ни единой минутой напрасно. Разсудительные люди зная на что болѣе употребятъ свое время, препровождаютъ оное или въ снисканіи себѣ полезнаго, или въ забавахъ; они ни когда не бывають праздны, но всегда заняты или увеселеніями, или ученіемъ. Есть общее правило, что праздность есть мать пороковъ. Извѣстно такъ же, что лѣность глупымъ прилична, и что нѣтъ ни чего презрительнѣе лѣннца. Блудимель нравовъ Катонъ, премудрый и добродѣтельный своего времени Римлянинъ говаривалъ часто, что о шрехъ только дѣлахъ сожалѣлъ онъ въ своей жизни: *во первыхъ* о томъ, что открылъ тайну своей женѣ; *во вторыхъ*, что нѣкогда ѣздилъ въ одно мѣсто моремъ, въ то время когда могъ прибыть туда сухимъ путемъ, а *въ третьи* о томъ, что препроводилъ одинъ день не учинивъ ничего.

Есть пословица, что денежка рубля бережешь; принаровляя сіе изреченіе

ко времени совѣшную не трапипть на-
 прасно ни минушы, ибо минута бере-
 жешъ цѣлой часъ. Во весь день дѣлай
 что нибудь и не трапть напрасно полу-
 часовъ и четвершей, коихъ въ печеніе
 цѣлаго года накопипся весьма много.
 На примѣръ: днемъ бывають краткіе
 промежутки между ученіемъ и забава-
 ми; вмѣсто того чтобъ въ сіи минушы
 сидѣть праздно и опъ скуки зѣвать,
 возми какую нибудь хорошую книгу и
 прочитай ее до конца. Ни когда не за-
 нимай ума своего въ одно время двумя
 вещами; и читая книгу не пробѣгай ее
 поверхностно, но каждое примѣчанія
 достойное мѣсто прочитай по два ра-
 за. По крайней мѣрѣ не начинай читать
 другога, пока не поймешь совершенно
 перваго, и по тѣхъ поръ не покидай
 книги, пока всего содержанія понятіемъ
 швоимъ не обвипешь; а ежели сего ис-
 полнять не будешъ, то памяшованіе
 швое о предмѣшъ читанной книги не
 долѣе недѣли продолжипся. Я совѣшную
 между прочимъ читаю слѣдующія кни-
 ги: *Маркизы де Ламбертъ наставле-
 ніе ея сыну и дочери, нравоучитель-
 ныя правила Кардинала Реца, Роше-*

Фокольтовы нравственныя разсужденія, Г. Лабрюйера о равахъ, Фоншенеля, о множествѣ міровъ. Іозіи Чильда о торговлѣ, Болингброковы сочиненія; для слога же читай его примѣтанія на Англицкую исторію; Шуффендорфа о правѣ народомъ (Jus Gentium) и Гроція о правахъ войны и мира (Grotius de jure belli et pacis). Во время праздныхъ получасовъ или по краткости свободнаго времени, читай остроумныя и замысловатыя сочиненія; но ни минуть не употребляй на негодныхъ авторовъ ни изъ древнихъ, ни изъ новѣйшихъ.

Забавы, кои не безчестны разумомъ одаренному сущесиву, ни мало не почитаю я праздностію или потерянiемъ времени; на противъ того нѣкоторое время употребленное на шаковыя забавы естъ время съ пользою препровожденное.

Какое бы ты ни имѣлъ дѣло, исполни его какъ можно скорѣе; не вѣ половину, но окончай его, если можно безъ остановки. Дѣломъ не должно шутиться и при исполненіи его заниматься бездѣлицами; не думай такъ какъ Феликсъ нѣкогда сказалъ Апостолу Павлу: „Ны-

и́бо иди, время же полугтивъ при-
звѣу ты. — Удобнѣйшее время для дѣла
есть самой первой случай. Разсудитель-
ной человекъ знаетъ всегда назначить
себѣ время для ученія и для дѣлъ: го-
раздо болѣе теряешь времени посред-
ствомъ жудаго выбора не свойственныхъ
увеселеній и забавъ.

Поспѣшность есть душа дѣла: но
ни что столь не способствуетъ къ по-
спѣшности, какъ порядокъ (Method), по
которому каждую вещь исполняяшь ты
долженъ и держись онаго не нарушимо;
сколько тебѣ не ожидаемая приключе-
нія по позволяяшь. Назначь день и часъ
въ недѣлѣ для счетовъ; и держи ихъ
все въ одномъ мѣстѣ въ надлежащемъ
порядкѣ; по сему не нужно тебѣ бу-
дешь употреблять на нихъ много вре-
мени и не можешь ни когда быть обма-
нутъ. Какія бы письма и бумаги у те-
бя ни были имѣй сокращенную изъ нихъ
выписку и клади въ надлежащія мѣста,
такъ чтобы въ случаѣ нужды могъ
ты о чемъ нибудь справиться. Положи
также себѣ правило и въ чтеніи, и
посвяти на оное нѣкоторую часъ утра;
упражняйся въ немъ постоянно и безъ

прерывно, а не непрерывно и безъ всякаго правила, такъ какъ нѣкоторые читаютъ мѣлочныя сочиненія изъ разныхъ писателей и о разныхъ предметахъ. Записывай для памяти въ особую книжку все то что ты читаешь; не для педантическихъ ссылокъ, но для того чтобы тебѣ читаннаго не позабыть. При чтеніи Исторіи употребляй ландкарты и хронологическія таблицы, и по часту въ оныя посматривай; безъ нихъ исторія не что иное есть, какъ не связанное собраніе происшествій.

Можетъ быть скажешь ты по примѣру многихъ молодыхъ людей, что наблюденіе порядка и правилъ весьма тягоспно, что оныя предписаны только для глупыхъ, и суть мучительное обузданіе благородному духу и юношеской пылкости. Но я въ противность тому утверждаю, что оное доставитъ болѣе времени и вкусу для увеселеній; такъ что вмѣсто причиненія тебѣ покояства если исполнять сіе будешь цѣлой мѣсяцъ непрерывно, скучно уже будешь отъ того отстать. Дѣла придаютъ большую охоту и вкусъ увеселеніямъ, такъ какъ мѣлесное упражне-

ніе возбуждаешъ позывъ на нищу; слѣдовательно не можно дѣла отправляшь безъ наблюденія постояннаго порядка. Оно предуготовляешъ охоту къ увеселеніямъ, и зрѣлище, балъ или собраніе гораздо болѣе увеселенія подаешъ такому человѣку, которой первую дня того часть препроводилъ за дѣломъ, а не въ праздности. Я скажу такъже, что красивая женщина покажется гораздо прелѣстнѣйшею такому человѣку, которой упражняешся въ ученіи или въ дѣлахъ, нежели праздношапающемуся. Равнодушная неращепность господствуешъ всемъ поведеніемъ такого человѣка, и увеселенія его спольже глупы и неосновательны, какъ и всѣ другія дѣла.

Я надѣюсь что ты стараешся заслужишь свои увеселенія, и по тому вкушаешъ ихъ пріятность: ибо есть много такихъ, кои хопятъ прослышь *веселыми людьми* (Man of pleasures), но по справедливости ни въ какомъ увеселеніи не имбютъ вкуса. Они перенимаютъ увеселенія другихъ безъ всякаго различія и безъ всякаго себѣ услажденія. Я знавалъ такъже, что иные перенимали излишества другихъ, по тому что

почитали ихъ благородными, хотя они столь же безобразными на нихъ кажутся, какъ и чужое платье. Если ты хочешь опличиться въ забавахъ, то не перенимай чужихъ, а имѣй свои.

Нѣкоторые почитающъ за увеселеніе не упражняшся въ ученіи и быть безъ дѣла. Но какая въ томъ утѣха? они со всѣмъ ни чего не дѣлающъ и лучше бы было, если бы то время проспали. Они привыкающъ къ праздности; только такія мѣста посѣщающъ, гдѣ непринужденно и безъ всякой осторожности поступать могутъ. Старайся убѣгати сей напрасной траты времени, и чтобъ всякое мѣсто, куда ходишь, было для тебя или зрѣлищемъ приятныхъ и непорочныхъ забавъ, или училищемъ къ пользѣ твоей служащимъ; чтобъ всякая бесѣда, въ которую ты вступишь, служила къ услажденію твоихъ чувствъ или къ разпространенію знаній, или къ образованію твоего поведенія и нрава.

Если случится, что надобно употребить два или три часа лишнихъ для какого нибудь нужнаго дѣла, то займи ихъ отъ твоего сна. Шестъ или по крайней мѣрѣ семь часовъ сна обыкновенно весьма довольно для всякаго чело-

вѣрка: если же кто больше спитъ, то сіе значитъ сонливость и лѣность, весьма нездорово и тяжело. — Когда по случаю какое нибудь дѣло или увеселенія принудятъ тебя просидѣть до четырехъ или пяти часовъ утра, то вспавъ въ обыкновенную пору, дабы тебѣ не потеряшь драгоценнаго утренняяго времени, и чтобъ сіе принудило тебя въ слѣдующую ночь ранѣе лечь спать.

Паче всего остерегайся быть въшреннымъ. Въшренный умъ всегда бываетъ занятъ, но весьма маловажными дѣлами; малые предметы почишаютъ онъ за великіе и на бездѣлицы употребляетъ то время, которое долженъ бы былъ употребить для важныхъ вещей. — Игрушки, бабочки, раковины, насѣкомыя, суть предметы глубокомысленныхъ его разсужденій. Въ бесѣдахъ разсмаприваетъ онъ не нравы людей, но ихъ плашье. — Съ большимъ вниманіемъ шаковые люди смотрятъ въ Театрахъ на Декорации, нежели на связь представляемаго зрѣлища; при Дворѣ болѣе на чиноположенія, нежели на онаго полишику. Таковое употребленіе времени есть сущая онаго прапа.

Въ заключеніе сего скажу: что лѣ-

ность, праздность и нѣга весьма не приличны и опасны для молодого человека; по испеченіи сорока лѣтъ своея жизни можешь безъ охуленія быть онымъ иногда подверженъ. Во всякомъ случаѣ опредѣли, хотя и неприятнымъ тебѣ покажется, входись въ отличныя и лучшія бесѣды того мѣста, въ которомъ ты находишься, или по достоинству, или по ученію, или по остроумію и вкусу людей оныя соспавляющихъ. Сіе подаситъ о тебѣ доброе мнѣніе въ лучшихъ бесѣдахъ, въ кои входись ты будешь потомъ.

Зная истинную цѣну времени, пользуйся имъ и не теряй ни единого мгновенія напрасно. Праздность, излѣненіе и отлаганіе до другаго времени да пребудутъ отъ тебя удалены. Ни когда не откладывай до завтра того, что сего дня можешь исполнить. Сіе поспавлялъ себѣ правиломъ славный и несчастный Голландской Пенсіонеръ де Вишъ, кою строго оному послѣдуя не только довольно находилъ времени къ осправленію дѣлъ республики: но могъ еще вечера препровождать въ собраніяхъ и ужинать въ гостяхъ, какъ будто не было у него ни какого дѣла, ни заботъ.

О ТЩЕСЛАВІИ.

Всевозможнымъ образомъ убѣгай тщеславія, такъ какъ обыкновенной слабости неиспытаннаго юношества; наипаче того рода тщеславія, которое разумному человѣку навлекаетъ нареканіе глупца, — нареканіе, которые если приобрѣтешь однажды, то сложишь съ себя гораздо труднѣе, нежели духовный чинъ. Нельзя себѣ представить сколь многими способами тщеславіе разрушаетъ собственныя свои намѣренія. Человѣкъ рѣшительно судящій о всякой вещи, весьма часто являетъ свое невѣжество, а болѣе еще свое высокомеріе. Иной по тщеславію своему старается нравиться женскому полу; онъ поощряется къ тому полученнымъ отъ знатныхъ и прекрасныхъ дамъ ободреніемъ и всплываетъ иногда съ одною какою нибудь весьма въ пѣсню связь. Если таковая связь на справедливости основана, то нѣсколько низка; если же на обманѣ то безчестна; но въ обоихъ случаяхъ перяетъ онъ доброе имя; котораго снисканіе ему нужно. Нѣкоторые ласкаютъ своему тщеславію мало-важными внѣшними предметами, кои ни какого къ нимъ отношенія не имѣютъ,

какъ на примѣрѣ: знатною породою, родствомъ или знакомствомъ съ людьми отличнаго достоинства и высокаго чина. Они безпрестанно говорятъ о своихъ знаменитыхъ предкахъ, сродникахъ, покровителяхъ, или искреннихъ друзьяхъ, съ которыми они едва и бѣшутъ знакомство. Но допустимъ, что все говоримое ими справедливо, чтожь изъ этого выйдетъ? большія ли они по сему избѣютъ достоинства? ни какъ нѣтъ. Напротивъ того ярныя случайныхъ достоинствъ доказываютъ въ нихъ недостатки истинныхъ: ибо богатой человекъ никогда въ долгъ не занимается. Предположи себѣ непреложнымъ правиломъ никогда хвастовски не показывать тѣхъ качествъ, которыми надѣешься приобрести честь или похвалу. Скромность есть надежнѣйшій способъ къ полученію искомага одобренія. Не нужное изъявленіе храбрости можетъ сдѣлать то, что истинно храбраго человека почитать будутъ за нахала, такъ же хвастовство въ оспроуміи изъ человека изящныхъ дарованій содѣлаетъ глупца. Подъ сею скромностію ни мало не разумѣю я бояливости и непристойной застѣнчивости. Напротивъ того будъ

внутренно твердѣ и непоколебимѣ, знай собственную твою цѣну, какова бы она ни была и правилу сему соразмѣрай твои поступки; но весьма остерегайся показывать, что ты знаешь собственную свою цѣну. Какія бы ты ни имѣлъ истинныя достоинства, другіе люди о томъ узнають; вѣдай при томъ, что люди увеличиваютъ собственные свои открытія, а уменьшаютъ открытія другихъ.

О ДОБРОДѢТЕЛИ.

Добродѣтель паче всѣхъ другихъ свойствъ должна заслуживать все швое и каждаго человека вниманіе. Она состоитъ въ дѣланіи добра и наблюденіи справедливости, не только въ поведеніи: но и въ самыхъ дѣлахъ. Дѣйствія ея полезны всему роду человеческому, а въ особливости самому себѣ. Добродѣтель заставляетъ насъ сожалѣть и помогать въ злостастіи человека; она побуждаетъ насъ къ распространенію правосудія и добраго порядка въ обществѣ, и споспѣшествуетъ всему тому, что служитъ ко всеобщему благу. Она подаетъ самимъ намъ внутреннее утѣшеніе и удовольствіе, котораго ни что другое въ насъ произвести и ни что онаго

лишитъ насъ не можетъ. Всѣ прочія пользы зависяшъ столько же отъ другихъ, какъ и отъ насъ. Богатство, власть, и величіе могутъ опныты быть насиліемъ и несправедливостію другихъ, или какими нибудь иными неизбѣжными приключеніями: но добродѣтель одна только зависитъ отъ насъ и ни кто лишитъ насъ ея не можетъ. Болѣзнь можетъ истребить въ насъ всѣ тѣлесныя пріятности: но не можетъ лишитъ добродѣтели, ниже удовольствія посредствомъ оной ощущаемаго. Добродѣтельный человекъ при всякихъ въ жизни случающихся нещасствіяхъ находитъ внутреннее въ себѣ утѣшеніе и сердечное удовольствіе, которое чинитъ его гораздо щасливѣйшимъ предъ человекомъ имѣющимъ всѣ жизненныя выгоды, но злымъ. Если человекъ приобрѣлъ великую власть и богатства посредствомъ лжи, пронырства и угрыженій, то не можетъ ими наслаждаться, по тому что совѣсть будетъ его мучитъ и безпрестанно приводитъ на память тѣ способы, кѣими онъ снискалъ оныя. Угрызеніе совѣсти его, не дастъ ему ни на минуту отдохновенія; злодѣйства ея будутъ ему въ самомъ снѣ мечтаться,

а днемъ если когда бываешъ на единѣ и когда имѣешъ время мыслишь, постанешъ приходишь въ задумчивость и уныніе. Онъ спрашивается всякой вещи. и поелику увѣренъ, что родъ человѣческій долженъ его ненавидѣть, по имѣешъ причину думать, что спарается ему отмстить при всякомъ возможномъ случаѣ. На прошивъ того добродѣтельный, въ какой бы ни находился бѣдности, или злощастіяхъ, добродѣтель его всегда сама въ себѣ находишь награжденіе и подаешъ ему утѣшеніе во всякихъ горестяхъ. Спокойствіе и удовольствіе его совѣсти днемъ производитъ въ немъ пріятныя чувствованія, а ночью подаетъ ему покойной сонъ: съ удовольствіемъ можешъ онъ препроводить время въ уединеніи и не приходишь въ ужасъ отъ собственныхъ своихъ мыслей. Добродѣтель открываешъ всюду себѣ пути, блестящъ сквозь мракъ уединенной жизни, и рано или поздно всегда награждается.

Лордъ Шефшесбури говоритъ: что, онъ желалъ бы бышь добродѣтельнымъ ради самаго себя, хотя бы ни кто того не зналъ; такъ какъ спарается о чистотѣ своей одежды, хотя ни отъ кого не надѣется посѣщенія.

К о н е ц ъ.